

**Лжец на троне 6.
Война**

Денис Старый

Денис Старый
Лжец на троне 6. Война

«Автор»

2026

Старый Д.

Лжец на троне 6. Война / Д. Старый — «Автор», 2026

Шестая и заключительная книга цикла "Лжец на троне". Наш современник в теле Лжедмитрия. Вот только прошло то время, когда хоть кто-то мог использовать приставку "лже". Нынче Российская империя сильная, продвинутая держава, а право Дмитрия Иоанновича сидеть на троне не обсуждается. Набирает обороты промышленность, русские наемники ценятся в Европе, соседи и думать забыли о том, чтобы терзать русские земли. И как поведет себя Россия под управлением попаданца, когда в Европе набирает обороты религиозная война? Не упустит ли открывающиеся возможности?

© Старый Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	8
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Денис Старый

Лжец на троне 6. Война

От автора

Почти восемь лет прошло, а с момента, когда герой попал в прошлое, так и вовсе двенадцать. На дворе конец 1617 года. Нынче Российская империя не то слабое, лишь поднимающееся с колен государство, а мощная держава, не растерявшая своих территорий, напротив, приобретающая новые. Но, что еще важнее, не случилась ужасающая демографическая яма. Земли, пусть и пострадали, а где-то и почти обезлюдили, все же Смута слегка коснулась России, но людей оставалось в разы больше, чем в иной реальности. А новые технологии в сельском хозяйстве позволяют сытно кормиться и не бояться за будущее своих детей. Элементарная медицина, по крайней мере в крупных городах, так же способствует увеличению рождаемости, но главное – уменьшению детской смертности.

В этой реальности Лжедмитрий, будь он Гришкой Отрепьевым, или кем-нибудь еще, царствует без приставки «лже», а мощная, по меркам времени, пропаганда не оставляет шансов для кого бы то ни было обвинить русского императора в узурпации власти. Да и соединение двух династий: Рюриковичей и Годуновых, пошло на пользу.

Ксения Борисовна Годунова смогла не оставить равнодушным попаданца, вызвала в нем нужные чувства, когда мужчина понимает, кто именно его женщина. Правда делала она это не столько сознательно, сколько спасая свою жизнь. Не особо хотела молодая женщина оставаться в монастыре. В народе говорят: «Стерпится-слюбится?» Народная мудрость она же веками проверена. Так что, да, сперва стерпелось, а после Ксения и влюбилась, получая долгожданное счастье. Все-таки попаданец в тело Лжедмитрия, это не сам Лжедмитрий с его прескверным характером. Так что и сын-молодец и красавица-дочка, да и муж заботливый и любящий.

Герой попадает в тело самого знаменитого русского самозванца в наиболее сложный момент. Ничего страшного... просто его идут убивать, постепенно отсекая возможности для побега. И ведь в иной истории, убили. Так что, Димитрий Иванович бежит, не взяв с собой почти ничего, как голодранец. И делает это тне без помощи, казалось, верного Петра Басманова. Этот деятель, спасая царя Дмитрия, преследовал свои цели. Допреследовался – герой не особо задумываясь казнил манипулятора Басманова, желавшего править от имени Дмитрия Ивановича.

Потом была гражданская война. Кровавая и, как любой подобный конфликт, неоднозначная. Наш герой победил, в том числе используя некоторые хитрости в бою. Можно ли считать Смуту закончившейся? Отнюдь.

В Могилеве появляется Лжедмитрий, которого прозвали «Могилевским». Он ведет польскую шляхту и наемников на русские земли. Но в Москве уже сидит на троне «природный» царь и у него есть люди, готовые стать на защиту Отечества. В битве у Брянска интервенты разбиты.

Сложные отношения складывались со шведами. Они, вроде бы как союзники, но преследовали свои интересы и не переставали облизываться на Новгород Великий, Корелу, да и иные северные исконно русские земли. Обманули дурака на четыре кулака, на шелбан и на подушку, на зеленую лягушку! Именно подобным образом и вышло, получилось обвести шведов вокруг пальца и подставить так, что им самим пришлось уходить из уже почти что оккупированных русских земель.

Польша... С ней все сложно, ну не научили уму-разуму и смиренности, как Сигизмунда, так и всю шляхетскую общественность поражения во время интервенции. Пришлось еще побеждать польское войско в двух войнах: сперва охолоняя шельм у Смоленска, а после,

когда Сейм никак не ратифицировал мирный договор, так и у Киева. При том калмыки и башкиры, вошедшие в состав Российской империи, со свистом и неистовством прошли по Малороссийским городам, разоряя и творя бесчинства.

Посмотрели на все это запорожские казаки, да и поняли, что сюзерена нужно менять, не вытягивает Польша эту роль, показалась она и слабой, но что еще важнее, так неплатёжеспособной. А вот Россия, та, да, иная, сильная, русские, казалось, нашли нескончаемую золотую жилу и богатеют. А еще русский царь дозволил провозгласить Гетманщину.

Да и донские казаки, терцы, еще недавно бунтуя, включились, как оказалось, в выгодную для себя великодержавную политику. Турки, как и крымские татары отчетливо на себе это ощутили, когда запорожцы и донцы пограбили Измаил, Трапезунд и иные османские города.

С важнейшим русским торговым и политическим партнеров, Ираном, не все было понятно. Шах Аббас попытался играть в свою игру, поверив в собственные силы, когда разбил единожды османскую армию. Это раньше, при Годунове персы были готовы на многое, чтобы только вступить в союз с Московским царством, а вот позже и угрожать стали. Все изменилось, когда османы направили большую армию, чтобы надолго решить спор с персами, если не навсегда. У Аббаса просто не хватило бы сил сдерживать более чем восьмидесятитысячное турецкое воинство, но вгрызлись в землю христианские воины.

Вот тут русские полки, в битве при Эрзеруме, сыграли свою героическую роль, ценой немалых жертв, выстояли и разбили кратно превосходящее османское войско. Мало того, русский диверсант убивает османа и на трон в Исфахане восходит полностью лояльный Российской империи Мухаммад Бакер Мирза.

До того была сыграна политическая партия, когда путем интриги, как и силы русского оружия, подкрепленного башкирской конницей, у власти в Крыму остался хан Тохтамыш, лично обязанный жизнью русскому царю, да и до того настроенный не в пользу османского султана.

А что внутри государства? В первые полтора года правления лжеца на троне были предательства и заговоры. Пришлось устраивать свое «утро стрелецкой казни» и пролить кровь заговорщиков, может тогда и невинные пострадали, но лес рубят, щепки летят.

После часть знати сбежала к полякам, кто-то предал всей душой Россию, став служить ляхам, были и те, кто одумался, но все равно погиб, уже от рук шляхтичей. Родственнички Нагие, неожиданно для себя не ставшие во главе Боярской Думы, задумали изжить Димитрия, да стать за его сыном. Но... совершенно случайным образом, сторели во время сходимки заговорщиков. Был убит и митрополит Филарет.

А Россия развивается. Все берет, что полезно у Англии, с которой растут торгово-экономические отношения, или у Голландии, нанимаются мастеровые в Европе, причем не только в протестантских странах, даже из Италии.

В России живет гениальная женщина-ученый София Браге, Иоганн Кеплер, другие ученые люди, уже и русского происхождения, так как открылась Московская Академия, продолжает работать Государева школа. Ну а Миша Караваджев уже не Караваджо, а православный живописец, между прочим проживший на восемь лет больше, чем в иной реальности, продолжает творить. В отличие от его творчества в Италии, особенно после начала гонений за художником, картины Михаила в более светлых тонах.

Урал осваивается, работают медеплавильные и железоделательные заводы, разрабатываются баскучанские соли. Город Гусь, уже прозванный Хрустальным, стал мировым центром производства хрусталя, зеркал и иных стекольных изделий. Русский фарфор завоевал свои рынки сбыта. Получилось даже спекулировать тюльпанами.

Но, может быть, самое главное – было принято четкое, даже опережающее время, законодательство. Не будет крепостного права.

Впереди развитие, победы и героизм, возможное предательство, но не бывает никогда абсолютного успеха по всем направлениям, чем-то, но приходится жертвовать.

Приятного чтения шестой, заключительной книги цикла «Лжец на троне 6. Экспансия».

Пролог

Пролог

Прага

13 декабря 1617 года

Зима в Богемии наступает почти в соответствии с календарем, а не так, как на Руси, уже в ноябре. Да, и не каждый русский скажет, что выпадение первого снега – это и есть зима. А вот любой чех, как только дождь сменится белыми хлопьями, обязательно свяжет это явление с наступлением зимы. И не важно, что снег растает по утру. Зима же не всегда снежная? Не то, что в России.

К середине декабря намело необычайно много снега и в России и в Богемии. Если бы была возможность сообщить всем и каждому, то в регионах обязательно объявили бы чрезвычайное положение. Даже центральные улицы Праги не успевали чистить от снега, падающего тяжелыми хлопьями. Все ждали, что вот-вот он растает и готовились к слякоти, но снежный покров, как и минусовая погода, решили иначе.

И вот сейчас, под красиво крутящиеся снежинки, в городе Прага созревали события, способные разграничить историю Европы на «до» и «после». И никто особо не понимал этого, руководствуясь лишь эмоциями. А большинству, так и вовсе собрание в магистрате было безразлично, или по значимости ровнялась любованию погодой.

Но был и тот человек, кто догадывался об эпохальности сегодняшнего дня. Он готовился к этим событиям уже несколько лет. И сейчас мужчина не ощущал эйфории, напротив, был сосредоточен, понимая, какая масштабная работа впереди.

Иохим Гумберт, проинструктированный и ведомый агентами Захария Ляпунова, поднял все свои немалые связи для того, чтобы именно в начале зимы, особенно, когда дороги не приспособлены для движения массы войск, начать операцию, к которой русский граф Гумберт, полномочный посол Российской империи в европейских странах, готовился с особой тщательностью.

На самом деле, все было готово уже давно. Три года в Праге неизменно находился большой отряд русских наемников, который, вроде бы как оплачивается магистратом города, но, на самом деле, призван на первых порах поддержать восстание в Богемии. Куплены практически все члены магистрата, и не может быть иного мнения, как то, что выгодно русскому полномочному послу, выражающему интересы Российской империи.

Кроме того, закуплено оружие, которое предполагалось продать возмущенным жителям Праги. Это устаревшие образцы пищалей, пушек, немало холодного оружия. Мало того, так напечатано огромное количество листовок, чтобы быстро распространять вести о восстании не только в столице Богемии, но и в Моравии, где так же сильна протестантская община.

С самого утра, еще до того, как ночная тьма полностью уступила место короткому зимнему дню, члены магистрата, как и разного рода влиятельные жители Праги, прибывали в Старый Королевский замок, где должно было состояться общение с послами, присланными императором Фердинандом, таким ненавистным католиком.

– Вы должны поддержать Фердинанда! Нет иного выбора! Или смерть придет в каждый дом, – пытался достучаться до собрания магистрата имперский посол Вилем Славата.

Этот невысокого роста мужчина выглядел комично, так как имел непропорционально большую голову с плешью на макушке. На фоне иных людей, вполне рослых, Славата казался ребенком в мужском обществе. Однако, силой характера посол не был обделен. Он не устранился прийти на заседание магистрата, хотя некоторые доброжелатели предупреждали, что

именно должно случиться. И что жизнь посла под реальной угрозой. Все же и в Праге были католики, или конформисты, не желавшие испытать гнев императора.

– Новый император отказался давать гарантии того, что не станет поднимать вопрос веры. Его паписты уже силой приводят в католичество последователей Лютера, – кричал, залезший на стол, чтобы возвышаться над толпой дворянин-протестант Вилем из Лобковец.

Два человека с одинаковыми именами, кроме как этим сходством, ничем иным не были объединены. Вилем из Лобковец был известным воином. Да его силу и доблесть и знать не нужно, лишь увидеть большого, покрытого шрамами мужчину, и сразу проникаешься уважением. Уж слишком он был большим и грозным. Даже странно, что этот дворянин разговаривает и увещевает толпу. О Вилеме из Лобковец ходили слухи, что он быстр на расправу и не боится принимать самые крайние меры против недругов.

Среди большой бурлящей толпы, а в магистрате собрались более шести десятков мужчин, были еще два человека, которые могли как-то повлиять на события. Одним из таких людей был граф Йиндржих Турн, чье слово способно остудить горячие сердца пражских знатных бюргеров. А тот большой отряд воинов, который пришел с графом Турном, был сопоставим по силе с русскими наемниками, а числом вдвое большим. Русские воины нынче ценились один за два немецких. Но граф Турн только подливал масла в огонь, он уже принял решение идти против империи, за свою веру, ну и за свои земли, как и за возможность приобрести до того немислимую власть в Богемии.

Вторым человеком, который мог несколько повлиять на обстановку, был Ярослав Боржита из Мартиниц. Он так же являлся послом от императора Фердинанда. Магистрат, на самом деле, мог и не делать того, что обязательно последует, достаточно было послам лишь пообещать все, что хотят люди. Прага на время успокоится, поверив, что Фердинанд не станет всех приводить к католицизму, а Габсбурги выиграют время, по весне введут войска в Богемию и никакого восстания не получится.

Но, нет, оба посла и Вилим Славата из Хлума и Ярослав Боржита из Мартиниц стояли на своем, требовали присяги, покорности и разойтись по домам. Удивительное непонимание момента и отсутствие дипломатической гибкости. Почти никто, кроме одного человека, спокойно сидящего в самом углу большой совещательной палаты в Старом Королевском замке Праги, не предполагал, что сейчас происходит и какая реакция будет у императора Фердинанда. Конфессиональный костер все еще тлел, а тут, в Праге, собираются вылить в него большую бочку масла. Огонь может вспыхнуть таким жаром, что опалит всех, прежде всего тех людей, что вылили то самое масло. И, похоже, это неотвратимо.

Иохим Гумберт мог встать и все присутствующие в миг замолчали бы. Уж сильно знатным и влиятельным человеком стал русский посол, но он только ждал развязки, уже уставая от криков и желая ускорить процессы.

Бывший уже очень давно командиром наемников, теперь русский граф считался одним из хитрейших и умнейших людей Европы. И Гумберт, по требованию своего государя, действительно постоянно образовывался, посещая лекции самых именитых профессоров, в том числе и в Пражском университете. Граф знал, что в Москве ждут большого, на всю Европу, масштабного конфликта, где воевать станут все со всеми. Россия готовилась к такой войне, как никто в Европе.

– Да как же вы не поймете? Империя приведет сюда свои войска, реки крови затопят Прагу, если вы восстанете. Думаете я не вижу подготовку к бунту? Я уже отправил гонцов к его величеству, – кричал Вилем Славата, отвлекая Гумберта от своих мыслей.

Буйство людей несколько уменьшилось, как и снизился шум. Если на подходе к Праге уже стоит имперское войско, то нельзя делать резких шагов, иначе император разозлится и ему будет нечего противопоставить, просто не хватит время на подготовку отрядов.

Гумберт, видя, что сейчас настроение жителей Праги может измениться, сделал чуть заметный знак и прикормленный член магистрата Матей Горак набрал полную грудь воздуха и начал кричать:

– Нет веры вам за поругание нашей веры! Дефестрация [выкидывание из окна]!

– Дефестрация! – подхватили другие мужчины, выплескивая свое безумие.

Не успел хоть что-то сказать граф Турн, который все-таки не хотел слишком унижить или даже убивать имперских послов, чтобы оставалась возможность отыграть все назад, как из толпы выскочили с десятков рослых мужчин. Они схватили послов Ярослава Боржита из Мартиниц и Вилима Славату и выкинули их из окна.

Резко наступила полная тишина. Кричать угрозы – это одно, а вот исполнять их, совсем иное. На лицах только что впавших в буйство людей четкие узоры рисовал страх от содеянного.

– Они живы? – нарушая тишину спросил граф Турн.

Выглядывающие члены магистрата, как и другие горожане, которые так же пришли поскандалить в Старый Королевский замок старались рассмотреть, что происходит внизу.

– Лежат, не шелохнуться, – констатировал один из мужчин.

Через десять минут жители Праги получили подтверждение убийству, ну или казни, имперских послов. Это они в иной реальности упали в кучу фекалий, а нынче даже снег не смягчил падение, тем более, что под стенами замка стояли подпорки, дабы не было оползней в ров. Вот на них и упали послы, получив травмы, не совместимые с жизнью.

Во все времена убийство послов было возбранно в международном праве. Ну а расправа над представителями центральной власти, никак, кроме вопиющим преступлением против основ, не назвать. Фердинанд обязан жестко реагировать на такое проявление неповиновения. Дело времени, когда имперские войска вторгнуться в Богемию. И, как раз, время это есть. Зимой никто не начнет масштабных боевых действий. У чехов есть месяцы для того, чтобы нанять наемников, как и для того, чтобы подготовить войско из своих феодалов, горожан и крестьян. Опыт гуситских войн им в помощь!

– Господин Гумберт, граф, а какая реакция будет у Российской империи на сегодняшние события? – граф Турн подошел к русскому послу, приглашенному на сегодняшнее собрание в качестве гостя.

– Ваше сиятельство изволили, наконец, произнести правильное название моей страны? – язвительно отвечал Иохим Гумберт. – Что изменилось? Наверное, многое, так как Московия сразу стала Российской империей.

– Бросьте, ваше сиятельство, эти издевки и смените тон! Вы все понимаете. Будет война. При поддержке России мы выстоим. Всего-то и нужно ваше оружие и пять тысяч русских наемников. Не откажемся и от казачьей кавалерии, – Турн сделал вид, что не оскорбился, продолжая разговор в том же любезном тоне.

– А хватит ли серебра у вас и всей Богемии, чтобы оплатить услуги такого количества славных русских воинов? – спросил Гумберт.

Именно сейчас начиналась важная часть его работы. России нужна европейская война и даже не столько для того, чтобы православная держава имела возможности выгодно торговать со всеми сторонами конфликта. Важнее люди. В России все еще много земли не имеют своих хозяев, не обрабатываются, а заводы, уже отстроенные, как и те, что в планах на строительство, нуждаются в исполнительных мастеровых людях.

– Сперва у меня есть возможность предложить вам оружие, немало оружия, для оснащения более десяти тысяч воинов, прежде всего мушкетеров. Собирайте деньги! Контракт отряда русских воинов, что нынче в Праге, истекает после Рождества. Такое вот совпадение. Но его можно продлить до весны, само собой, за очень дорого. И вот там есть люди, способные обучить ваших ополченцев хоть чему-нибудь, да и создать структурные подразделения, – говорил Гумберт, мысленно потирая руки.

Давно уже не было таких лихих возможностей. Налаженные торговые связи работали исправно, превратившись в рутину, только незначительно увеличиваясь ежегодно. А тут такие торговые операции на горизонте. Торговать же Гумберт будет далеко не лучшим оружием, но неплохим. Просто в России уже закончилась реформа перевооружения и все старое оружие следует не выбросить, или даже послать в Сибирь, а продать, обменять на нужное.

Вновь такая вот случайность – перевооружение всех родов войск Российской империи закончилось только к середине текущего года. Теперь новое оружие должно стрелять, иначе не было смысла в подобной затратной военной реформе. Впрочем, и старое оружие должно использоваться, но уже не русскими воинами. Так что наступает очень напряженное время, время войны, одной большой и многих малых.

– Нам нужно поговорить и многое обсудить. Но в более спокойной обстановке, – сказал граф Турн.

– Соглашусь, ваше сиятельство. Но для того, чтобы разговор вообще состоялся, я должен озаботиться разрешением на то, что Россия станет открыто вербовать мастеров и иных людей для отправки их в мою страну, – сказал Гумберт.

– Да, граф, судя по всему, вы оказались прозорливы и уже готовы работать на благо ВАШЕЙ родины. Вы же русский? Или имперец? – спросил задумчиво Турн, но не дождался ответа на провокационный вопрос. – Хорошо, но списки согласовывать с моим человеком, может так быть, что вы всех жителей Богемии перевезете к СЕБЕ на родину.

– Договоримся, ваше сиятельство. Россия останется нейтральной страной, а в остальном, договоримся, – Гумберт решил не реагировать на едкий тон графа, все-таки Турну нужно было несколько отыграться и выплеснуть немного яду.

Но ценник за оружие, как и за услуги отряда инструкторов за такие выпады графа, Гумберт еще больше взвинтит. Никуда не денутся, все купят и еще попросят. Богемия богатая провинция.

– Война! Война! За веру! – начали раздаваться крики за окном, все еще открытым, несмотря на морозный день.

Только что в окно выбросили надежды на мир, теперь обратно, в это же окно стремительно, вместе с хлопьями снега, летят лозунги и призывы к войне. Европа, да и не только она, входили в новую фазу своего существования, полную рек крови, но и возможностей.

Глава 1

Глава 1

Москва

20 декабря 1617 года

По уже устоявшейся десятилетней традиции, перед самым Рождеством, я проводил расширенное совещание по итогам года и перспективам развития на следующий год. Своего рода совещание центрального комитета КПСС перед тем, как выставить уже готовое решение на съезд партии. Вот то, что мы сейчас нарешаем, то и выставим на Земский собор, также традиционно собирающийся, но уже в январе, после праздника Крещения.

И все это сопровождается рождественскими ярмарками, народными гуляниями и заключением новых сделок на следующий год. Благо, на Товарной Московской бирже представлены все наиболее значимые торговые партнеры российской империи. В здании, исполненном в инновационном классическом архитектурном стиле с множеством колонн, построенном рядом с Китай-городом, есть офисы (избы) торговых представителей Соединенных Провинций, Англии, Франции, Швеции, Дании, и ряда германских государств. Именно туда отдается список товаров и минимальные цены на них, а уже на Бирже, названной мной «Торговищем», идет торг по вполне понятным законам, на основе аукциона.

И вот сейчас, когда будут подведены итоги и составлены таблицы с количеством и номенклатурой товаров, состоятся торги на этом самом Торговище. Пусть немцы напрягают свой речевой аппарат, выговаривая это слово. Все игроки получают некоторую долю товаров. А вот чуть меньше половины от всего производимого в России продается тому, кто предложит лучшую цену или же чье государство в какой-то мере поможет продвижению русских интересов на международной арене. К примеру, ни голландские, ни английские каперы не нападают на русские корабли, следующие будь то в Индию или в Америку. Ну, а за это приходится быть чуть лояльнее в торговых отношениях с этими государствами.

– Давай, Лука Мартынович, – обратился я к главе Приказа промышленности и развития. – Порадуй нас новостями!

Изрядно пополневший Лука, моя «палочка-выручалочка» и один их образованнейших людей и не только России, степенно встал. Он окинул взглядом собравшихся бояр и начал свой доклад с недавно принятого приветствия.

– Твое императорское величество, – сказал Лука Мартынович и склонил голову в поклоне. – Бояре думные.

Для человека из будущего ТВОЕ величество может резать слух. Но в этом времени и нечего думать о том, чтобы вводить обращение на «вы». Так что для хроноаборигенов, из среды которых я себя все реже выделяю, обращение даже государю будет звучать именно в единственном числе. А вот «величество» быстро прижилось, как только Земский Собор провозгласил меня Великим.

Не скажу, что я страдаю честолюбием, нарциссизмом, но, глядя на все, что удалось сделать, могу сказать, что я стал, если не выше, то вровень с великими русскими правителями, как этой реальности, так и иной. Между тем, провозглашение великим дает просто необычайные возможности для пропаганды.

Глава Приказа просвещения и учености Козьма Минин отработывает нарратив великого государя на сто процентов. Правда, он уже стоит над всеми печатными изданиями, и не занимается редактурой, но руку на пульсе держит. Еще бы подлечить Козьму, что-то сдает он, ходит только с тростью и то с трудом. Я так думаю, что у него варекозное расширение вен.

– Государь, начну с того, что добыча золота на реке Миас не стоит средств, сколь мы уже затратили на это дело. А еще там приходится держать усиленный артиллерией полк. А воинов кормить нужно, и не только рыбой из реки, – нагнал скепсиса Лука.

Вообще в последнее время Лука слишком много рассуждает и подсчитывает. Да и бурчит, превратился в ярого скептика. Создается такое впечатление, что академическая наука в некоторой степени сдерживает творчество, а у человека суживается кругозор. Если ранее исполнитель не понимал, что этого нельзя делать и стремился все же ломать шаблоны, то по мере образования, человек даже не станет браться за заведомо сложное.

В первые годы почти любое мероприятие, завод ли это, или рыбный промысел у Астрахани с местной переработкой рыбы, строительство ли верфей в Азове, – все удавалось. При этом, если бы мы следовали всем скрупулёзным подсчетам, то каждый второй проект нельзя было начинать.

Так, лихо и отважно мы начали разрабатывать проект по добыче золота, центральное место в котором занимал Миасс. Теперь около этой речки расположено три острога и немалая засечная черта, больше, чем на тридцать километров. Непокойно в тех местах и приходится сопровождать и старателей, и торговцев, каждый коч и ладья идут с усиленной охраной, а если перебираться сухопутными путями, то приходится создавать целые караваны и привлекать войска.

В основном шалят башкиры. Однако, нередкие случаи, когда яицкие или сибирские казачки забывают о присяге, службе и временно становятся самыми, что ни на есть, разбойниками с большой дороги или не с такой уж полноводной реки.

– Иван Исаевич, – обратился я к Болотникову. – Ты почему не провел работу с яицким и сибирским атаманами? Если еще кто-нибудь из казаков будет замечен в разбое, в обход Казачьего Круга сменю атаманов. Я уважаю и чту казацкие вольности до той поры, пока они блюдут законы державные.

Иван Исаевич Болотников прочно занял место государева человека у казаков. Своего рода «министр казачьих дел». Пока сдерживать казаков получается вполне удачно, направляя их энергию на османов, хивинцев, лояльных Стамбулу трансильванских князей. Каждый год совершается по два, а то и три набега, особенно страдают черноморские турецкие порты. Случилось даже «трапезунское сидение», когда запорожцы совместно с донцами полтора года удерживали Трапезунд, уйдя из портового города со знаменами и с просто необычайно большой добычей.

Ох, сколько туркам обошлось то, что Россия напрямую не стала влезать в тот конфликт, а лишь поддержала казаков дипломатически, заставив создать им коридор для отхода! На сегодняшний день я бы с удовольствием отправил большую часть своего войска бить османов. Вот только три года назад, когда и был захвачен уже вторично Трапезунд, Россия испытывала тяжесть масштабной военной реформы и массового перевооружения, как и сложность в обучении пользования новым оружием. Нельзя нам тогда было воевать, а вот в следующем году нам нельзя НЕ воевать, иначе столь большая армия, стоящая невообразимо огромных ресурсов, просто проест деньги. Нет, мы будем воевать.

– Все сделаю, государь, – отвечал Болотников. – Люди мои уже отписались о том, что казаки опорой и защитой станут.

– Ты все же передай им мое послание. Иначе Матвею Годунову отпишусь и он быстро охолонит сибирцев, – сказал я.

Матвей Годунов, ссыльный в Сибирь бывший мой сподвижник, нынче стал воеводой Сибирской земли. Пока никаких нареканий не вызывает, работает справно. Правда есть у меня желание все-таки его сменить, может даже и приблизить встречу Матвея с Богом.

Популярен воевода в Сибири, смог объединить и приблизить к себе и тунгусских князьков и даже некоторую знать кайсаков. Да и три полноценных полка с артиллерией, численно до

четырёх тысяч воинов, плюс казаки, местные ополчения, четыре роты, составленные из представителей сибирских народов – это сила, очень большая. Не захочет ли когда-нибудь Годунов объявить себя царем Сибирским?

Ну да этот вопрос уже разрабатывается. Не остается Матвей без соглядатаев, причем и официальных и тайных. А вот башкиры оборзели.

– Юрий Никитич, а ты вызови-ка мне представителя башкир Айрата Бикметовича, – обратился я к главе Избы по делам присоединенных народов, Юрию Никитичу Татищеву.

– Твое величество, башкиры и калмыки придут в Москву по льду не позднее середины января. Они уже давече прибыли в Самару, – отвечал Татищев.

Изда – это своего рода отдел, как называли бы структуру в будущем. И выделение этнического вопроса в отдельное ведомство было необходимо. В Российской империи уже только зафиксированных и записанных более двадцати народностей, которые мне присягнули. При этом, те же тунгусы записаны, как один народ, хотя там ответвлений и этнических групп очень много. Возникают проблемы религиозного характера, менталитета, традиций, территориальные и многие иные. Всех грести под одну гребенку? Это можно. Сил на то хватает, чтобы свою волю навязать любому соседу Российской империи, даже Польше, может, в меньшей степени усилившийся Швеции. Но тогда нам придется держать еще большое количество войск во многих регионах огромной страны.

Деньги считать мы научились, поэтому работая на противоречиях, не провоцируя конфликтов, но жестко и кроваво отвечая на любые неповиновения, нам удается сохранять более или менее стабильность и порядок даже на Кавказе. При этом не содержать за свой кошт большую армию в регионе. Но за счет местных народов, и на Кавказе присутствует полноценная дивизия и ряд специализированных отрядов.

Северный Кавказ с его гористой местностью и чуть ли ни первобытными законами кровной мести, сдерживаем с некоторыми усилиями. Тут пришлось и аманатов брать, забирая сыновей глав кланов на обучение в Москву, даже некоторых, особо непримиримых, сослали в Восточную Сибирь. Слово свое держим, не навязываем религию, но жестко бьем за то, что кто-то посягает на нашу веру.

– Продолжай, Лука Мартынович! – сказал я, когда выслушал Татищева и Болотникова. – Но знай, что слишком много денег и сил мы вложили в то, чтобы обосноваться в Миассе и отбиться от всех киргизов и башкир. Золото нам нужно, сложно иначе бумажные деньги поддерживать.

– Дозволь, сказать, государь-император! – со своего места за большим столом встал Иван Тарасевич Грамотин.

– Говори, Приказной боярин, Иван Тарасевич! – сказал я, жестом показывая на Грамотина.

Иван Тарасевич Грамотин был из тех, кого привлек к себе ранее мой главный финансист Василий Петрович Головин. Старик два года как преставился, создав при моем непосредственном руководстве четкую и работающую финансовую систему, основанную на бумажных деньгах и Имперском Банке. Грамотин, так сложилось, что в последний год жизни Головина-отца занимался всеми делами, потому как Головин-отец болел тяжело и лекари долго пытались его вытащить. После Грамотин прошел ускоренный курс обучения в Московской Академии и я дал шанс этому человеку проявить себя и попробовать собой заменить почившего Василия Петровича Головина.

Однако, мой цербер, Захарий Ляпунов, долго присматривался к Грамотину, так как тот был несколько, так сказать, в оппозиции. Но, как служащий, он очень даже эффективный, вот только пиетета передо мной нет. Может то и к лучшему. В спорах рождается истина. Вот и поспорим, когда я буду с попкорном, а он уютно сидеть на колу.

– Временно, но нам следует более вернуться к серебру и изыскать из казны металл, да отчеканить больше серебряных монет, – сказал Грамотин.

– Что же тебе не дает покоя то, что мы накопили серебро и золото? Ты считаешь, что не выдержит наш бумажный рубль? От чего? Впрочем, не отвечай, а завтра придешь ко мне на доклад с цифрами и выводами, – сказал я, видя решительный настрой у Грамотина.

Не мог я не рассказать человеку, которому отвечать за финансы, что в следующем году Российской империи придется принять новый вызов. Воевать придется всерьез, а это чревато проблемами в разных сферах. И то, что мы накопили немалую прослойку жира, не гарантирует отсутствие проблем. Вот и беспокоится Грамотин, что война «съест» бумажный рубль. Пусть докажет цифрами и фактами свои страхи, тогда и позволю открыть свою императорскую особую казну с серебром, золотом и драгоценными камнями.

– Выдержит бумага. Трат мало будет. На следующие два года у нас в планах нет большого строительства. Токмо отстроить изнова Орешек, да Петроград продолжать возводить. Все остальные заводы на Урале нынче токмо в частных кумпаниях строятся, – парировал Лука выпад Грамотина.

Вот еще одна причина, почему Иван Тарасьевич вошел в мое правительство – от противовеса Луке Мартыновичу, который получил слишком много власти и весь такой правильный исполнитель, что мне приходится награждать его и держать при себе.

В уме я все равно держу принцип, когда даже самые верный и вчерашние соратники могут затеять заговор. И это очень беспокоящий для меня вопрос. Единственно кому я вынужден доверять, так это Захарию Петровичу Ляпунову, но Тайному приказу нынче конкурент Приказ Внутренних дел, который возглавляет Дмитрий Пожарский. Тут и городская стража в подчинении у Дмитрия Ивановича, как и полки внутренней стражи.

– По зеркалам, фарфору и иным товарам имеется спад. Англичане и голландцы ладят уже свое и все меньше покупают. Увеличились продажи пеньки, парусины, карет, сахара. Сильно спрашивают о покупке оружия, – продолжал свой доклад Лука.

– Оружие можем уже продавать? Скажи, Михаил Васильевич! – спрашивал я у несменного своего главного военачальника Скопина-Шуйского.

– Можем, государь. Хранить уже негде. Порох токмо никак нельзя торговать, а вот ружья, даже винтовальные, можно. Много этого добра, на триста тысяч воинов, – сказал головной воевода.

Скопин-Шуйский возмужал и стал уже без каких-либо условностей был главным военным в стране. При этом он очень популярный. Не настолько, как я, но на втором месте, точно. А еще, не секундочку, он остается самым знатным боярином империи. Вроде бы все спокойно, и со стороны Михаила не слышно и не видно хоть какого протеста или стремления к захвату власти. Но есть некоторые люди рядом с ним, которые ведут досужие разговоры, не очень мне приятные, в основном эти говоруны в окружении родни жены Скопина-Шуйского.

Пока будет острая фаза войны, а она обязательно будет, нельзя начинать аресты и чистки. Внутри империи нужно полное спокойствие и национальный подъем. А то, что все потенциальные сотрясатели спокойствия под плотным колпаком, факт.

– Все оружие, что есть устаревшее готовьте к продаже! Заводы исправно работают и выдают новые винтовки и пистолы. Так что пусть воюют нашим старьем. А еще, – я посмотрел на Прокопия Ляпунова, главного координатора всех русских наемных отрядов. – Вооружайте наши отряды в Европе новым оружием.

– Но тогда европейцы прознают про наши новшества, – возразил Дмитрий Пожарский.

– Пора и прознать, тогда точно станут искать с нами дружбы, а мы извлечем выгоду. Много работы у тебя Семен Васильевич, – сказал я, обращаясь к Головину, все еще являющемуся Приказным боярином Приказа Иноземных дел. – Справишься? Нынче такие события

закрутятся, что нам быть на чеку. Я, между тем, указ подготовил, кабы увеличить содержание твоего Приказа на ближайшие два года.

– Спаси Христос, твое величество! Справлюсь, государь. И, коль речь пошла о моей службе, то дозволю сообщить, – сказал Головин-сын, вставая и кланяясь.

Головин подошел ко мне и протянул лист с докладной запиской.

– Дозволяю всем от то говорить, Семен Васильевич! – сказал я, когда прочитал бумагу. – Такие вести нужно обдумать и быстро принимать решения.

Глава дипломатического ведомства степенно развернулся к присутствующим.

– Хан Тохтамыш встречался с османскими лазутчиками. Те прибыли на кораблях и вели переговоры, – начал сообщать Головин, но я его перебил.

– Захарий Петрович, у тебя по Крыму есть что сказать? – спросил я Ляпунова, чтобы тот показал свой профессионализм.

Новости более таинственного характера и такое первым должен узнать Захарий, а уже после Головин. И вообще они обязаны работать в связке. Что это? Конкуренция структур? А насколько она здоровая?

– Я намеревался после доложить, государь. Дозволь это сделать не нынче, а завтра. Жду вестей. А что до того было известно, так я Семену Васильевичу поведал, – сказал Захарий Ляпунов.

Суть волнения Головина заключалась в том, что Тохтамыш, наконец-таки османы обрабатывали. Продался он, чему сильно способствовал вопрос веры. Ну появились в Крыму православные храмы, как и сами переселенцы-славяне. Мало того, так готы поголовно стали православными, до того и так много христиан проживало в ханстве. И вот, когда замаячил на горизонте перекосящий в христианство, часть татарских элит зашевелились.

Мы работали с ними, не оставляли без внимания. Оставалась надежда на то, что миром и согласием, со временем, но Крым станет русским. Это не идеализм, или идиотизм. Просто там, в Крыму все еще хватает и воинов и ресурсов, чтобы выставить более-менее войско. Но не это важно, татар мы бы разбили. Я, опять же, не хотел воевать всерьез с османами. А сейчас хочу, но сперва не русскими руками.

Вот и играли в игры добреньких соседей. Однако, сколько денег в подкуп крымцев не вкладывай, все равно смотрят в сторону турок, которые в последние годы несколько прибавили в силе, смогли мобилизовать свою экономику и выжать из населения новые налоги, создавая по истине гигантскую армию.

– Пока делайте все, как предписано. Посылайте предупреждение Тохтамышу, охраняйте наши производства и готовьте их к вывозу. Крым, если станет ерепениться хан, будем брать полностью себе, – сказал я, припечатав кулаком по столу.

Тохтамыш был сразу скользким партнером, но выполнял взятые на себя обязательства и даже разок ходил под Хаджибей, поддерживая наши отряды. Три года назад пришлось вступить за Гетманство. Султан сильно пожелал спалить все казачьи поселения. Пободались, но войны не случилось. Ни мы, ни османы не были готовы к серьезному конфликту. Мы перевооружались и заканчивали обучение, а османы вооружались и только создавали многотысячное войско. Так что даже под Хаджибеем просто постояли и посмотрели друг на друга. Но политически выверено было то, что татары привели свои войска в союзе с Москвой.

И все. После этого Тохтамыш, видимо посчитав, что расплатился по долгам, все более начинает вести самостоятельную политику. Его наследник Гази Гирай сейчас более нам лояльный, пусть и девяти годовалый ребенок. Он уже свободно говорит на русском языке, порой шокирует и своего отца, когда просит одеть русское платье. Не по годам развит. Но даже такой хан нам нужен? Наверное, нет. Но только после реального поражения Османской империи и договора с ними.

– Разведка доносит, что турка готова к войне. Есть у меня вопросы, я не уверен, к чему именно османы подготовились. Сто пятьдесят тысяч войска стоят в Болгарии и Валахии. Часть сил собирается у Иккермана и Хаджибея. Все службы об этом уже знают, но я так и не услышал четких ответов на мои вопросы, – сказал я, понимая, что с силовым блоком нужно проводить отдельные совещания.

Не стоит всем знать сущность того плана, который был уже давно разработан. Двоих агентов султана уже удалось вычислить и отправить за денежное «извинение» обратно в Османскую империю. Но это не значит, что сейчас османы не активизируются и не будут искать тех, кто готов продать свои знания по нашему планированию.

– Семен Васильевич, – после некоторых размышлений, я обратился к Головину. – Посылайте по своим посольским путям сообщение персидскому шаху, моему другу Мухаммаду Бакеру Мирзе. Что посылате вы знаете.

Мухаммад Бакер Мирза все еще персидский шах и я не припомню ни одного периода в русско-иранских отношениях, и в иной реальности, чтобы руководитель-правитель Ирана был столь прорусски настроен. Пришлось после победы над огромным османским войском, битве при Эрзеруме, отправлять некоторых специалистов-пропагандистов в Исфахан. Там, по средствам рукописных сообщений, по всем городам Ирана распространялись определенные нарративы, ставшие после основной для Русско-Иранской унии.

Мы, совместными усилиями с персами, прогнали португальцев с иранских земель у Персидского залива, умирляли Хиву. И все это, как понятно и нам и персам, прежде всего против Османской империи.

– Михаил Васильевич, ты пришли мне Алябьева Андрея Семеновича, да и сам приходи на вечерю, поговорим! А на завтра Совет обороны назначаю, – сказал я.

Алябьев стал товарищем Главы Военного Приказа по планированию. Ну не знал я, как еще назвать должность начальника Генерального штаба, но то, что таковой должен быть обязательно, понимал. У нас готовы планы войны со всеми соседями, при этом в планировании фиксируются и подразделения, которые задействуются, первый, второй эшелоны вторжения или обороны. Войска готовятся с некоторым уклоном на то, как будет действовать потенциальный противник. К примеру, выборгские и петербургские полки готовятся чуть ли не к окопной войне со шведами.

Ах да!

– Лука Мартынович, – я снова обратился к своему ответственному за экономическое развитие. – Как оправдал себя Петроград? Стоящее это дело, али как?

– Сложно еще сказать, государь. Дороги плохи, но на Котлине уже стоят наши корабли, лишь снесь и остальное сложно досылать туда, сие затруднительно, – докладывал мне Лука.

Может быть что-то у меня иррациональное? Любил я Петербург, город на Ниве. Вот Петроград появился, несколько не продумано. Можно без него справляться. Рига наша, как и острова у Рижского залива. И основные торговые операции идут, как раз по Риге, далее на Западную Двину, в русский Полоцк, Витебск. И дороги в той стороне относительно приличные и даже поляки разрешают проходить по своим участкам речных путей. И зачем мне Петроград? Постоянно затопляемый, город на болотах? А вот хочу!

На самом деле и вполне себе хватало рационализма. Мы прикрывали для шведов все проходы в глубь русских территорий. Так или иначе, но эскадру держать в Финском заливе нужно, как и иметь Петропавловскую крепость на Заячьем острове, да и укрепления на Котлине, которому, вероятно, не быть уже Кронштадтом. Мало того, военные верфи теперь постепенно, но неуклонно переносятся из Архангельска. Хотя и в этом городе остается строительство самых крупных кораблей. Еще не хватало, чтобы датчане могли полностью заблокировать наш флот в Балтийской луже, не пропуская корабли в океан. Так что в Архангельске строим океанский флот, а вот в Риге и на Котлине, более мелкие корабли.

– Бояре! – обратился я ко всем присутствующим. – Мы сегодня много говорили, но не может быть Совета без принятых и подписанных указов. И вот...

Я кивнул своему несменному секретарю Акинфию, а тот деловито и важно хлопнул в ладони. Сразу же в зал Императорского Совета зашли служащие Царского Приказа и разнесли всем собравшимся листы бумаги, где был записан и после компилирован Указ о запрете местничества.

– Ты решился, государь? – выкрикнул Михаил Борисович Шеин.

Как я и думал. Смоленский воевода все продолжает грудью стоять за местничество, будто самый знатный на Руси.

– Замест местничества вводится Указ о чинах, – сказал я и еще по два листа бумаги упали на стол рядом с каждым из присутствующих.

Это был мой вариант «Табели о рангах». Там прописывались все обращения, классы, соотношения военных и государевых чинов.

В это время в моем дворце-замке, прозванным незамысловато Димитровским, была поднята по тревоге рота государевой стражи. Пушкари из артиллерийского полка государевой стражи, расставили расчеты у пушек, Дмитрий Пожарский еще раньше дал указание московским полкам внутренней стражи быть на изготовке ко всему.

Полностью отменяя местничество, я не настолько рискую, потому к такому шагу готовились. На малом Совете меня, Захария Ляпунова, Дмитрия Пожарского и Скопина-Шуйского было принято решение, что провести учение в Москве не помешает.

Не смотря на то, что русская знать пострадала просто катастрофически, потеряв в Смуте и при моем правлении больше половины от своих представителей, все равно остаются те, кто обижен, или считает, что должен занимать видные должности в моем правительстве.

Главным вдохновителем, радеющим за местничество оказался воевода Шеин. Кроме него, в участии в разного рода опасных беседах были замечены некоторые иные товарищи. Что обидно, так в этом списке есть и Семен Головин. Там же Прозоровские, которые обижены чинами. Возьмем во внимание, что самый знатный боярин Михаил Васильевич Скопин-Шуйский женат на родной сестре Головина Александре Васильевне, а еще, что не все Татевы, родственники Михаила, изведены, и тогда вырисовывается заговор и действующие лица при нем.

Я доверял Скопину-Шуйскому, без него сложно было бы проделать ту колоссальную работу, что случилась. Лучшего военачальника у меня нет, хотя тот же Ромодановский хорош, да и Хворостинин Юрий Дмитриевич сильно подтянулся в воинской науке, однако Скопин на голову выше их. Михаил Васильевич выказывает свою лояльность, причем показательно подчеркивает ее. Между тем, ситуация заставляет держать руку на пульсе.

– Государь, я с тобой! – решительно сказал Скопин-Шуйский.

– Я знаю это, мой друг, – ответил я главному русскому военачальнику, после окинул всех своим самым строгим взглядом и добавил. – Местнические книги палить не стану, но они будут отданы на хранение в Петропавловскую крепость на острове Котлин. Никто туда приближаться не может, иначе расценю, как измену.

– Против законов предков идешь, государь, – не унимался Шеин.

Арестовать бы его сейчас, но нет, нельзя. Нужен тот, кто выкажет негодование, несколько выпусти там напрямую, а не тайно. Моя власть крепка, но она не самодержавна в деспотическом понимании термина «самодержавие». Как это не прискорбно, но нужны чистки, кровь, чтобы я получил абсолютную власть, к которой не сильно и стремлюсь. Нужны прямые доказательства в измене, чтобы провести показательные судебные процессы. И, чувствую, они будут, но без доказательств, в преддверье войны, не стану Шеина дергать. У него были раньше возможности предать, но Михаил Борисович не сделал этого.

– Еще кто против? – просил я.

Молчание было мне ответом. То, что отмена местничества, наконец, произойдет, знали все. Последний местнический спор между Иваном Никифоровичем Чепчуговым и Федором Семеновичем Куракиным закончился убийством Куракина, как и резней некоторых дворовых людей этого, назначенного мной белгородским воеводой, человека. Вот тогда я и пригрозил всем, чтобы не смели местничать, а назначения будут не по знатности, а по заслугам. И большинство бояр меня поддержали.

– Так и я не против, государь-император, – почувяв, что я в шаге от того, чтобы обрушить свою опалу, Шейн сдал назад. – Токмо дозволил бы ты людям знатым брать чины быстрее остальных.

– А ты, Михаил Борисович, внимательно читай указ! – сказал я, показывая, что мой гнев уходит.

На самом деле, в указе я сам себе выставляю условия, по которым при назначении должен рассматривать прежде всего знатных людей, в соответствии с их имуществом и занимаемым должностям только ближайших родственников. В отмене местничества я оставлял себе пути отхода.

Сложный получился день, сумбурный. Говорили много, но не системно. Пока нечего и выносить на утверждение Земскому Собору, кроме как Указа о местничестве. А будут еще более сложные дни. Наступает время испытаний, экзамен, в ходе которого и обнаружится, насколько я смог подготовить Россию к вызовам и новому, самому решительному рывку в развитии.

Еще бы в семье все было хорошо, так Ксения... Да я и сам молодец, не устоял перед первой красоткой в империи, помял-таки Лукерью Караваджеву, музу первого русского живописца. И вот что противно – я не особо сожалению.

Глава 2

Москва 23 декабря 1617 года

Императорская чета, то есть я с женой и наследником, ехала к Патриаршим прудам. Анонсированное открытие первого русского художественно-исторического музея привлекало большое внимание в столице, и не приехать я не мог.

Газета «Московские ведомости» стала важной составляющей жизни русского человека, как минимум в европейской части страны. Вот там и была информационная накрутка события.

На самом деле, нужно было создать ажиотаж, иначе музей, этот мой каприз, будет лишь ненужной тратой немалых средств. Людям необходимо объяснить, что подобное важно, и что каждый уважающий себя человек просто обязан посетить музей. А ещё сам император спешит всё посмотреть первым. Значит нужно идти. И не важно, что вход стоит аж пять копеек, нельзя же оставаться тем из немногих, кто не посетит музей.

Так что, создавая свой Эрмитаж, ну, или Третьяковскую галерею, я не только надеялся на духовный, образовательный или просто эстетический эффект для москвичей и гостей столицы, но и на то, что проект станет вполне окупаемым. К примеру, основательное здание в классическом стиле, который сейчас есть только в России, с колоннами «а-ля Парфенон», обошлось в шестьсот тысяч рублей. И хотелось бы, может, и через пятьдесят лет, но окупить такие затраты.

Приблизительная проходимость в музее составит человек сто в час, больше просто впускать не будут, иначе любоваться экспонатами не представляется возможным, толкучка образуется. Следовательно, только за один час музей заработает до пяти рублей. Работать он будет одиннадцать часов. Получается, что на пике можно заработать пятьдесят пять рублей. Тут же ещё торговля сувенирами, к примеру, стеклянными скипетром и державой, или продажа православных крестов, естественно освящённых в Кафедральном Соборе Святой Софии, только в прошлом году достроенном. Будет и продажа якобы царской одежды, как и многие иные возможности для заработка. Так что в день заработать шестьдесят рублей, даже при чуть меньшей посещаемости, чем максимальная, можно. Получалось... в месяц до двух тысяч прибыли. Год – двадцать четыре тысячи. Так что за пятьдесят лет уже и прибыль основательная будет.

Да, напрямую быстро окупить строительство музея будет сложно. Однако, газеты читают и в других городах, даже за границей. И, того и гляди, в Москву приедут в том числе, чтобы посмотреть самое грандиозное здание нерелигиозного предназначения, построенное молодым и творчески наглым архитектором Джованни Батиста, а также узреть то, что выставляется в музее.

А выставлять было что. Русские посольства в Европе постоянно работали над тем, чтобы скупать культурное европейское наследие. При этом была и Восточная палата с египетскими экспонатами, китайскими, арабскими. Также радовала глаз Греческая палата с античными мотивами. Ну, и в завершении большие галереи с живописью. Картины Джотто, Рафаэля и Франческо Боттичини, Тициана, Рубенса, доставшиеся после целой специальной операции «Джоконда» – то, далеко не многое, что выставлялось в палатах музея.

Что касается Питера Пауля Рубенса, так я его всё-таки уговорил в 1613 году приехать в Россию. Одарил всем, чем только можно, дал один из новых кирпичных особняков, которые строились в Москве для таких вот гостей. Но... он сбежал через два года. Можно было остановить, но я не стал. Что стало виной, причиной побега мастера, можно только гадать. Дом не угодил? Ну, да, у него в Антверпене был особняк не хуже. Но, как я думаю, он не выдержал конкуренции.

Мало того, что Караваджев выдавал в год по три, а то и четыре картины, так у него появились и свои ученики с приличными работами. И самым талантливым, может, и гениальным

стал... Фамилия такая у парня, что я думаю о шутке Бога. Наш подрастающий гений – Иван Криворук, он стал главным последователем Михаила Караваджева. И руки Криворука были такими, что главный русский художник даже хотел усыновить Ивана, не будь у того живых родителей.

Но Рубенс до своего бегства всё же успел написать в Москве несколько картин. Главное полотно – «Московская Мадонна», ныне работа выставлена, как «Московская Богородица». Ох, и споров же было на Вселенском Соборе, но я настоял, и картину всё-таки освятили.

Так, что там про Лувры говорили? Нынче в России самая большая коллекция художественных ценностей. И вот всё это мы с Ксенией и сыном Ванькой собирались смотреть прямо сейчас.

– Ты будешь со мной говорить? – в очередной раз спросил я жену.

– О чём? Расскажешь, как там под подолом к стервыи Лукерьи? Бога благодари, что я грех на душу не взяла и не убила курву, – прошипела моя ненаглядная.

– Матушка... – возразил Ваня.

– Указывать мне желаешь? – вызверилась Ксения на сына.

– А ну, охолони! – жёстко сказал я. – Ты с наследником Российского престола говоришь.

– С сыном я говорю, – не унималась Ксения.

И как русские императоры изменяли налево и направо? Здесь разок оступился, захотелось, так сказать, перчинки. Да и Лукерья, ведьма, больно уж хороша. Так Ксения месяц нервы треплет. Но люблю-то всё равно жену. Даже не стал продолжать озорничать с женой Караваджева. А ведь мог. Император я или так, самозванец какой!

– Да покаялся я уже, и грех тот отмолил, епитимью отбыл. Знаешь, сколько патриарх положил епитимьи, кроме молитв? Сто тысяч рублей, – говорил я.

– Дорогой нынче блуд выходит, – сказала Ксения, не сдержалась и рассмеялась.

Улыбнулся и я, хотя те сто тысяч – это единственное, о чём жалею во всей случившейся истории. Даже этот демарш жены не беспокоит, напротив, нравится. Ведь самое страшное – это безразличие. Вот если бы Ксюша просто не отреагировала на мой загул с Лукерьей, это было бы обидным. А так... Не безразличен, беспокоится. И узнать о таком на одиннадцатом году совместной жизни очень важно и приятно, особенно мужчине, который во всю входит в возраст, когда и бесы в рёбрах копошатся, и седины окрашивают коротко подстриженные волосы.

Мы проезжали улицы Москвы, которая разрастается невероятными темпами. При этом мне сообщают, что нет повального бегства в столицу, и другие города пополняются людишками. И это не только православные славяне. Встретить в Москве европейца с их страусовыми перьями или чубатого малоросса, как и чернявого перса в красочном халате проще простого. И не только в столице. В Нижнем Новгороде, как некоторые шутят, так и вовсе пора вводить персидский язык официальным, настолько много там торговцев. Иран как-никак нынче с небольшим отрывом, но стал главным торговым партнёром Российской империи.

– А ну, Ванька, читай! – повелел я сыну.

– Персидския ковры, лучшие, – прочитал рекламную вывеску сын. – Батюшка, я по-гречески читаю, да на латыни, на немецким и ангельским языках уже говариваю, а ты прочитать просишь, будто только грамоту выучил.

– Не кичись своими знаниями, а гордись своими делами, – сказал я на латыни, а после уже на русском спросил. – Ты вот прочитал и что скажешь?

Иван Дмитриевич чуть завис, размышляя.

– То, что у некоего купца Трофима Брошки есть на торг ковры персидские, – недоуменно отвечал сын. – Как написано, так и понял.

– Э, не, сын! Видеть нужно более того, что написано, – сказал я поучительно. – Вот я вижу то, что, раз пишет купец в своей хвале [такое название рекламы прижилось в России],

что у него лучшие, значит есть и иные, кто продаёт. Получается, что соперничают торговцы, и цена на ковры может упасть. Ушлый торговец сыграет на сим и придержит свой товар. Читай дале, сын!

– Хлеба маковые и пряные на улице Неглинной, – прочитал очередную настенную хвалу сын.

– Ну, что скажешь? – спросил я.

– То, что простые хлеба уже не покупают, и нужно их пряностями сдобрить, – отвечал Ваня.

– Вот, молодец! Можно и так поразмыслить. А это значит, что в Москве хлеба вдоволь, народ сытый. Тут и не нужно спрашивать приказных бояр, как обстоят дела. Вот такая хвала многое скажет, – научал я наследника.

На самом деле, он очень умный мальчик, но я боялся иного, что учителя слишком затюкают науками моего наследника. А мыслить правитель должен намного шире, чем могут написать в книгах. Здесь кругозор в большом масштабе нужен, нестандартные решения, хитрость и умение видеть то, что иным не под силу. Только так, по моему мнению, и можно полностью оправдать самодержавие, как систему наследственной и абсолютной власти, когда наследник более, чем кто-то иной, подготовлен к правлению.

Везде, где мы проезжали, слышались крики радости, что сильно подкупало. И я знал, что это не нанятые актёры, что народ действительно приветствует своего государя с положительными эмоциями. Жить стало сытнее, жить стало веселее!

А мы и не даём забыть о том, что ещё не так давно был голод, и ныне много людей, которые помнят те времена. Сегодня, когда хлеба вдоволь, когда малоросские, слабожанские, волжские земли дают стабильные урожаи, и даже казаки, пусть и не сами, а сажая крестьян на аренду, разрабатывают свои земли, мы живём сыто. Мяса хватает, картошки всегда немало, да и репу сажаем. Урожайность повысили, семенной фонд исследуем.

– Плуги тульския и голандския, недорого, – прочитал очередную надпись сын. – Батюшка, неужто на Руси уже столь много плугов, что нужно хвалы писать?

– Нет, сын, но плугами нынче пашут в сто крат больше земли, чем десять лет тому назад. Дорогие они, а к доброму плугу и добрый конь нужен. Вот и продаются плохо. Так что, сие исправлять ещё нужно, может так статься, что и двадцать лет и... тебе, – сказал я и словил испуганный взгляд жены.

– Не смей помирать! – жёстко сказала супруга.

– На всё воля Бога, – словно заправский фаталист, ответил я. – Или ты тосковать станешь, что не на кого ругаться?

Ксения посмотрела на меня, на Ваню, что-то там себе надумала и выдала результат размышлений:

– Я по святым монастырям отправлюсь, за ваши жизни и здоровье молиться стану, – сказала жена.

Хотел пошутить, чтобы Ксения очень тщательно молилась за моё здоровье, а то с относительно молодой Лукерьей оно ой как нужно, но хорошо, что сдержался. Говорила-то жена серьёзно. Для неё молитва и церковь стали ещё более важными, благо, что не страдает тем, что осуждает меня, как безбожника. Ибо некоторые устои приходится ломать, пусть и не так жёстко и бескомпромиссно, как это делал Пётр.

А вера Ксении укрепилась ещё и потому, что никто из наших детей не умер. Четыре ребёнка и все живы – это Божья благодать даже по нынешним меркам, когда с медициной хоть немного наладили, и школа повитух каждый год выпускает по пятьдесят акушеров.

Две дочки у меня, старшей, Марии, так уже пятнадцать лет. Ей активно присматриваем жениха из стран заморских. После родили Ваню, наследника, есть ещё Василий и самая малень-

кая Аглая, ей только полтора годика. И все живы, без физических недостатков, видимых психических изъянов, здоровые. И, да – это счастье для родителей.

Впрочем, демографическая ситуация в целом по стране относительно того, какой была, особенно в иной реальности в 1618 году, великолепная. За пятого и последующих детей государство выплачивает в год семьям по два рубля. Для крестьянина – это отличное подспорье. Корову не купишь, но вот жирную свинью, да с парой куриц в придачу, вполне. И рожают... Жалко мне женщин, если честно, работают на износ организмов, но будущее страны важнее.

Нужны люди. Каждый год организовываем так называемые «выходы в Сибирь». Это стало наподобие рекрутского набора, только ещё и с девушками. Собираем до двух тысяч людей. Сибирский Приказ уже отработал логистику, вот и отправляем будущих сибиряков в Тюмень, после в основанные и быстро развивающиеся Иркутск, Охотск, иные города. Сейчас готовится масштабная операция по продвижению на Амур. Острог Албазин уже стоит, строятся корабли, готовятся строительные и казачьи команды, которым предстоит первым обосновываться в регионе. Лучший момент, чтобы продолжить экспансию: маньчжуры ещё окончательно не объединились, в Китае разброд и шатание, и вполне нормально будет купить ряд китайских чиновников. А нам нужен порт и лучше, чтобы не на Камчатке или не только там.

– Приехали, – констатировал я факт, когда остановилась карета, телохранители взяли периметр под плотный контроль, ну, и в окне было отчётливо видно грандиозное здание нашего музея.

Грязновато было, могли бы и прибраться. Но имелось оправдание такому положению: рядом располагалась ещё одна грандиозная стройка. Это будет также здание в стиле классицизма, трёхэтажное. Общественная библиотека и государственный исторический архив получат свой дом уже через полтора года. Вот здесь никакой окупаемости не будет, но, надеюсь, что всё равно не зря строим. Авось, не советский человек станет в далеком будущем самым читающим в мире, а уже при моей жизни русские люди массово станут читать. Мечты, мечты!

– Государь, благослови! – кричали люди из толпы.

Я не отвечал, а поприветствовал собравшихся жестами рук, направляясь в музей. Это дело патриарха благословлять и иных церковных служащих. А обожествлять меня не нужно или приписывать функции, исполнять которые не хочу. Были намерения войти в память народа, как скромный правитель, лишь радеющий за своих подданных.

Козьма Минин и служащие музея ожидали меня и стояли рядом с лестницей, ведущей ко входу в большое здание, более остального напоминавшее мне, кроме Афинского Парфенона, Казанский собор в будущем Петербурге.

– Твоё величество! – поклонился Приказной Боярин Минин.

– Козьма, не сказал я тебе, кабы не встречал, – я по-отечески, ну, или по-царски обнял великого человека. – Береги здоровье, мы ещё не всё с тобой сделали.

Минин прослезился. А я в чём не прав? И есть великий человек, что создал такую машину пропаганды и просвещения. Московские Ведомости работают, при этом есть газеты в Нижнем Новгороде, Твери, Новгороде Великом. Это тоже «ведомости», почему-то не называют иначе периодические издания. Работает огромный аппарат писарей, которые находят интересные сюжеты, могут написать про коррупционера или же об удачном опыте хозяйствования. Народ читает всё это с упоением. Мне уже докладывали о том, что некоторые горожане, да и крестьяне, учат грамоту лишь для того, чтобы иметь возможность читать газеты и наш пока единственный журнал «Русский Вестник». Такой рост грамотности только потому, что люди хотят что-то читать, кроме житий святых или иных церковных книг – отличный результат работы. Всё пишется живо, образно, интересно. Есть у нас и те, кто пытается стихи писать. Я не лезу со своими «Пушкиными» и «Лермонтовыми». Не делаю это уже потому, что знаю немного стихов, да и хотелось бы, чтобы без меня появлялась литература.

– Будто старик, слёзы пускаешь, иди, показывай нам музей! – сказал я, уже войдя в здание.

Здесь была парадная палата, где можно снять верхнюю одежду, купить в лавках сувениры и поделки. Всё в белоснежной штукатурке. А вот внутри была роспись. Там руку приложил и Караваджев, и Криворук, даже небольшую залу расписал Рубенс.

– Государь, позволь тебе всё обскажет сей выюнош. Он зело добро научился это делать, – Минин прямо силой подтолкнул ко мне парня лет двадцати.

– Зовут как? – спросил я, обращаясь к экскурсоводу.

– Степан, Ивана сын, прозывают Прошкиным, – представился парень.

– Учишься где? И как служить станешь? – поинтересовался я.

– Твоё величество, школу Государеву закончил, был выучеником в школе парсуны Караваджева, но не одолел сию науку, не имею таланту. Вот в Академию поступать думаю нынче. А тут я токмо сам научал иных, как рассказывать, и в чём отличие итальянской живописи от, к примеру, Рубенса али иных голландцев.

Степан вначале говорил сжато, но когда речь зашла о живописи, прям оживился. Видимо, он сильно хотел стать художником, но Караваджев готовит только шесть своих коллег, набирая каждый год более десяти юношей, но постепенно отсеивая их, оставляя в лучшем случае одного. И я винить Михаила в этом не могу.

Хотя нет... Могу. Сколько раз уже просил Караваджева взять ещё десяток учеников. Пусть они не будут писать картины, а рисовать иное. Парни вполне себе заработают, к примеру, на оформлении настенных хвал или на воротах какого боярина зверя нарисуют. Но не хочет строптивый художник этого делать. А сейчас Михаил со мной, как и Ксения, не разговаривает, обиделся, видите ли. С императором делиться нужно! Даже... женой. Вот так!

– Показывайте, как тут всё устроили! – сказал я, и мне стали рассказывать о том, что такое вообще этот музей и какие функции он несёт, а потом о правилах нахождения здесь.

.....

Пригород Константинополя (Истамбула) район Бейкоз
26 января 1617 года (Интерлюдия)

Все знали, как великий визирь Марашлы Халил-паша любит охоту. Все знали, кроме самого Маршалы Халила, так как он её ненавидел. Если уже выдался день, который можно посвятить отдыху, то это будет спокойное времяпровождение, обязательно с женой или с книгой. А охота – это слишком активный вид деятельности.

Однако, Марашлы Халил-паша был вынужден посещать свой охотничий домик в районе Бейкоз, что в одном дне пути от столицы Османской империи. Именно тут развлекались почти что все визири и многие падишахи-султаны. Но, несмотря на то, что охотились в этих местах часто и большими компаниями, зверь водился. За этим смотрели специальные люди. Так что ни у кого не возникнет подозрений, чем именно занимается Марашлы Халил-паша, когда уезжает в Бейкоз. И маловероятно, что даже заметят визиря. Густые леса и холмистая местность не давали обзора.

– Я жду тебя уже два дня. Это риск быть обнаруженным, – сказал человек в бело-серой накидке, когда зашёл вместе с визирем в небольшой домик.

– Тут много деревьев и ущелий, есть где спрятаться, – отвечал визирь.

– А холод? Даже снег выпал и не сходит, – продолжал возмущаться человек на ломанном турецком языке. – Я продрог.

– А то, что ты меня выдёргиваешь из дворца султана зимой, когда никто не охотится, это нормально? – Марашлы Халил-паша также стал нервничать.

– Марашлы, мы знаем друг друга уже... семь лет? Разве хоть когда-нибудь я тебя вызывал по пустякам? – спросил...

– Тамраз, я благодарен тебе за всё, что ты сделал, но я визирь, а эта должность в султанате, как звезда на небе: ярко вспыхнет, но быстро погаснет. Малейшая оплошность и всё... – отвечал Марашлы Халил-паша.

– Главное, чтобы ты вспоминал моё имя, – усмехнулся Тамраз Лерян.

– Помню, Тамраз, но не в имени твоём дело [Имя Тамраз от армянского «Это наш род»]. Я мусульманин и уже давно отринул свои корни, – сказал османский визирь.

– Ты остался живым под Эрзерумом только потому, что стал обращаться к воинам на армянском языке, а они божественным провидением оказались армянами, – Тамраз улыбнулся.

21 июля 1610 года, когда битва при Эрзеруме закончилась полным разгромом османских войск, Марашлы Халилу, бывшему тогда чорбаджи [полковник], сделали предложение, от которого он не отказался, да и уже не сможет отказаться. Ему предложили служить, шпионить для Российской империи. При этом в процессе вербовки был сделан упор как раз на то, что Марашлы Халил был армянином. Ещё даже не предполагавший, что когда-нибудь он сможет стать визирем, мужчина согласился. Да и иной альтернативной была мучительная смерть.

После вербовки начался и продолжался целый день спектакль, когда из чорбаджи Марашлы Халила делали героя. Диван Османской империи должен был искать хоть какого-нибудь героя в той битве, чтобы хоть немного постелить себе соломку, когда станут падать от гнева султана. И Марашлы Халил подошёл на эту роль вполне удачно. Русские ему выдали даже знамя его полка, между прочим, полностью разгромленного, дали и два флага русских полков, которые якобы мужественный командир полка Марашлы Халил захватил в бою. После два дня вели чорбаджи, которому подгоняли, оставляя в живых, разрозненные и разгромленные отряды турок, и он их как будто бы организовывал и выводил из засад.

Вот так и родился миф о геройском полковнике, который вывел из полного окружения до двух полков османских воинов, при этом сохранил символы своего подразделения и захватил чужие. Так что очень быстро султан Ахмад приблизил к себе такого командира.

После Марашлы Халил стал капудан-пашой, командующим турецкой эскадрой. И тут проявил себя уже вполне неплохо, смог сильно поумерить пыл средиземноморских пиратов и всяких госпитальеров, испанцев, венецианцев. Потом из-за того, что султан вообще запутался в своих назначениях, и потому, что он обвинял в неудачах визирей, Марашлы Халил-паша стал тем, на кого понадеялся Ахмад, назначая вторым человеком в империи [в РИ многое из рассказанного совпадает, как и армянское происхождение Марашлы Халила, так и послужной список, кроме, конечно, битвы при Эрзеруме, что уже АИ].

Ну, а после то и дело с Марашлы Халилом выходили на связь те, кому он был обязан жизнью. При этом в ведомстве Захария Ляпунова посчитали, что лучшим связным может быть только армянин. Всё-таки в момент наивысшего страха новый османский визирь говорил на армянском языке, да и позже также проявлял лояльность к этому народу.

– Пришло то время, о котором ты мне так часто говорил? – задумчиво спрашивал визирь. – Можешь не отвечать, я уже и сам догадался, что начинается большая замятня. Габсбурги уже объявили о священном походе всех католиков на сатанистов Богемии. Наши территории подвергаются набегам и всё чаще якобы это поляки. Кстати, один из ваших отрядов, двигавшихся со стороны Польши, был разгромлен в засаде, и мы взяли пленных. Мне уже доложили, что это русские. А ещё вы закончили перевооружение армии и направили оружие персам.

– Я не знал про то, что вы кого-то поймали на своей границе, но уверен, что это, как и раньше, действуют наглые поляки. Не пора ли их наказать? – резко изменившимся серьёзным тоном говорил Тамраз.

– Да, брось ты! – усмехнулся Марашлы Халил. – Я уже понял, что вы подставляете поляков. Поверь, что не только я могу об этом догадаться. У нас кризис власти, но не кризис ума, – сказал визирь, пристально всматриваясь в реакцию русского разведчика армянского происхождения.

– Кстати, насчёт власти. Не нужно свергать султана Мустафу. Россию устраивает такой султан, – не стал подтверждать домыслы визиря Тамраз, а свернул разговор на другую тему.

– На самом деле ума не приложу, какая в том разница для твоего царя: будет ли султаном сумасшедший Мустафа или малолетний ребёнок Осман, – притворно удивился Марашлы Халил.

– Нет никакой разницы, ты прав. Но когда умрёт Осман, вернуть обратно сумасшедшего Мустафу будет сложно. И что тогда, о великий визирь? – Тамраз позволил себе издёвку.

– Махпейкер Кесем-султан? Ты намекаешь на то, что придёт к власти эта коварная женщина? – задумчиво спрашивал визирь. – А ведь ты прав, этот шайтан в женском платье убьёт Османа очень быстро и не посмотрит, что он сын умершего султана, её мужа. Если жив Мустафа, и он султан, то Кесем нужно убить вначале султана, а после Османа, а два убийства для осторожной ведьмы – это слишком большой риск. Я попробую эту мысль донести до нужных людей.

– Но самое главное – ты должен стоять на том, что войну нужно вести с Польшей, – строго, как никогда раньше, говорил Тамраз.

– Христианин, ты хоть понимаешь, что нынче нам сложно воевать? Султан Мустафа сумасшедший. В Диване идёт сущая грызня за должности и власть. Какая война? – визирь развёл руками, мол, ничего сделать не могу.

Тамраз Лерян с самого начала своей службы работал только на османском направлении. Семь лет вполне интересной и, как это ни странно, почти безопасной, а ещё и очень сытной жизни ушли в прошлое. Пришло время сделать то, ради чего он работал и прикармливал порой очень большими деньгами и даже должностями османских чиновников. Вот и нынешний визирь способствовал тому, чтобы несколько особо важных для русской разведки людей продвинулись в карьере. В основном, это военные, поскольку наступает время войны. И не столь критически важен Марашлы Халил-паша. Если визирь станет отказываться выполнять обязательства, прямо сейчас Тамраз готов его убить.

– Ты знаешь, Марашлы Халил, что я не просто разрушу твою карьеру, тебя с превеликим удовольствием казнят. И у меня есть на тебя ещё немало грехов, где не только то, то ты помогаешь России. Давай не будем совершать глупостей, тем более, что я многого от тебя и не прошу. Всего-то нападите на слабую Польшу, чтобы пройти до Кракова и севернее, захватить десятки тысяч рабов, серебра, золота, при этом не сильно напрягая силы. И не рассказывай мне о том, что вы не готовы к войне! Более ста семидесяти тысяч османских войск стоит в Болгарии, Валахии и Молдавии, – сказал Тамраз, и по мере его слов тон Леряна менялся, смягчался.

Полковник тайной службы Российской империи уже прекрасно изучил характер Марашлы Халил. Визирь сделает всё, как нужно. И тут даже ответа не требуется, глаза второго, ну, или в десятке важнейших, человека в Османской империи не особо умеют врать. Марашлы Халил всё ещё скорее полковник, чем вельможа.

– А повод для войны с Польшей я вам дам. Причём в ближайшее время. Так что готовься реагировать и раскручивать мнение о зловещих и коварных поляках, – сказал Тамраз и улыбнулся. – Может, выпьем?

– Мне нельзя, Аллах не позволяет, – улыбаясь, ответил визирь.

– Вот потому я и не приму никогда веру Магомета. Уж больно искусные хмельные напитки нынче делают на Руси, не могу отказаться, – усмехнулся Тамраз, доставая из своего рюкзака, названного «спинной сумой», зелёного цвета напиток, который государь нарёк «абсентом».

Глава 3

Село Благодатное под Ржевом
4 марта 1618 года

Село Благодатное вполне могло соответствовать своему названию. Это поселение мало напоминало ту деревню, которая была рядом ещё до начала Смуты. Те полуземлянки, в которых люди скорее не жили, а умирали, ушли в прошлое. Как, впрочем, и название. Теперь тут не деревня Ржавеловка, а село Благодатное.

Это одно из тех поселений, которые строились по утверждённым в самом царском дворце проектам. Добротная кирпичная церковь, недалеко от неё большой дом старосты села, рядом чуть поменьше – жилище священника и его семьи. Других кирпичных зданий в селе не было, однако дома жителей строились добротные, на фундаменте и даже с остеклением и большой печью, которую ещё не успели прозвать «русской». Более того, крыши мостились черепицей, а не досками и сеном.

Подобные населённые пункты строились, прежде всего, в местах, которые некогда подверглись разорению или полному уничтожению во время «великого голода» и последующей за ним Смуты. Император и его правительство приняли политику, которая могла бы иметь такой лозунг: ни пяди земли без обработки. Поэтому ряд брянских, смоленских и иных земель попали под программу таких вот уютных сёл, которые заселялись как бежавшими православными людьми из Речи Посполитой, так и различными переселенцами, в том числе даже из числа южнославянских народов и армян. Получался такой вот интернационал, основу которого составляли именно православные люди.

Вопрос веры в Российской империи, становящейся всё более поликонфессиональной, стоял достаточно остро, но государю удалось убедить ещё тогда бывшего патриархом Гермогена, чтобы Русская Православная церковь пошла на уступки и не чинила непреодолимых препятствий для привлечения людей иных конфессий.

Так, если появлялись в подобных сёлах люди иной веры, то на пятьсот человек протестантов дозволялась кирха, а на тысячу мусульман – мечеть, однако строительство этих культовых сооружений должно проходить без финансирования государства, исключительно за средства общины.

Был и другой закон, по которому существовал запрет на переход из православия будь в какую конфессию. Существовала в законодательстве и хитрость. Так, нельзя, чтобы в подобных сёлах население было более чем наполовину неправославным, если большинство в воеводстве исповедуют истинную христианскую веру. Следовательно, строить кирхи, ну, или мечети с костёлами не получится, по крайней мере, в Смоленском воеводстве. Получалось, что Россия разрешает строить культовые сооружения иных верований, но и не даёт на то возможности. Вместе с тем, Российская империя всё равно самая толерантная страна, если в теории-то можно кирху ставить. Ну, а для рекрутёров в Европе дополнительный довод для убеждения переселяться на Русь.

И вот в одном из таких селений собралась группа людей, более всех остальных ненавидящая власть. Эти люди были вполне осмотрительны и потому не стали встречаться в Москве даже для того, чтобы попить чаю. При государе, а некоторые из них считались сподвижниками Димитрия Ивановича, бояре-заговорщики даже ругались между собой, лишь бы только у цепного императорского пса Захария Ляпунова не возникло подозрения о возможном заговоре.

Главным вдохновителем нынешнего собрания был Михаил Борисович Шейн, воевода Смоленского воеводства и командующий северо-западной войсковой округой. Чуть ли не заместитель хозяина Западной Руси. Большая должность. Мало того, так дающая возможно-

сти, пусть и тайно, но вести собственную политику. И то, что такой человек, как Шейн, по своей сути честолюбивый и даже самовлюблённый, находился на западных рубежах Российской империи, было ошибкой.

Однако, оправдать подобное кадровое решение и то, что Михаила Борисовича до сих пор не сменили на кого-нибудь лично преданного государю, можно. У Шеина были возможности выгодно предать государя, но он доказал свою верность, отринув все предложения. Кроме того, именно благодаря воеводе Шейну в Командную Избу к Алябьеву поступали важнейшие разведывательные данные, что помогало более качественно планировать сценарии вероятных войн, как с Польшей, так и со Швецией. Мало того, Шейн умудрялся помогать русской внешней разведке, так как некоторые его люди работали и в империи Габсбургов [в РИ Шейн также был склонен к разведывательной работе и очень быстро смог наладить большую агентурную сеть в Речи Посполитой, так что приписывать ему подобные возможности в АИ считаю уместным].

Шейн чувствовал свою силу, он считал себя намного умнее и способнее, чем тот же Захарий Петрович Ляпунов. Михаил Борисович считал себя одним из самых родовитых людей на Руси. Учитывая то, что Шуйские, Трубецкие, Шереметьевы, Романовы и многие иные разгромлены, то да, Шейн – один из знатнейших людей, но даже не в первом десятке.

Однако, были в Благодатном и те, вернее тот, кто в первую десятку знатнейших людей России входил. Звали этого боярина Семёном Васильевичем Головиным. Если мотивацию Шеина ещё понять можно, то причины, почему Головин оказывался недоволен властью, познать сложнее. На самом деле у Семёна Васильевича так до конца и не выветрилась жгучая ненависть к человеку, которого когда-то называли Лжедмитрием. Пусть сейчас он и не испытывает столь ярких эмоций по отношению к Дмитрию Ивановичу, какие Головину приходилось в себе глушить десять лет назад, но он всё равно недоволен тем, как развивается ситуация внутри государства.

Пока был жив отец, Василий Петрович Головин, уважаемому старику удавалось сдерживать своего сына Семёна от любых необдуманных действий, разговоров или даже помыслов. Авторитет главы рода Головиных был незыблем. Но отец преставился, а у Семёна была жена Ульяна Фёдоровна, в девичестве Шереметева. Вот она во многом и повлияла на мужа, стремясь хоть чьими-нибудь руками отомстить за разгром рода Шереметевых. Да и сам Семён Васильевич переживал за то, что вся работа, самоотверженная служба его предков, как и умершего отца – всё бесполезно, ненужно, не пригодится уже его сыновьям, чтобы занять достойное место при власти.

Упразднение местничества было крайне спорным моментом. Это понимали все. И государь уже много раз откладывал принятие столь важного решения, как отмена старой местнической системы. Но Дмитрий Иванович не раз упоминал о такой возможности, сам, да и с помощью Захария Ляпунова, изучая реакцию общества. И, главное, боярства.

На самом деле местничество в определённый период существования русского государства сыграло важную роль, охраняя общество от смут и междоусобных войн. Ранее Московское княжество представляло собой лоскутное одеяло из ещё недавно бывших независимыми княжеств и территорий. Добиться выхода в элиту было крайне сложно, даже будучи дворянином или из боярских детей. А вот каждый боярин знал, что он нынче работает на свой род, и что его сын будет занимать важные посты, как и предки, ибо все заслуги и чины записаны в местнические книги, по которым раздавались должности. А ещё местнические споры заменяли в России дуэли, потому и убыли знатнейших и часто умнейших людей не происходило. Это давало хорошие возможности в кадровой политике. Но всё меняется, и местничество становится всё более негативным явлением.

Время шло, и русское государство становилось более централизованным. Возможно, в том числе опричнина Ивана Грозного также была ответом на устаревавшую социальную систему. При той политике, которую проводил Дмитрий Иванович, местничество не могло

являться ничем иным, как пережитком, тем более, что многие знатные рода либо пришли в полный упадок, либо исчезли вовсе.

– Ну, что, бояре? Сказывал я вам, что не станет почитать Димитрий Иванович славные рода, на которых веками держалась Русь, и без которых её и не было вы вовсе, – вешал собравшимся Шейн. – Пошто служим, живота своего не жалея, коли дети наши не продолжат труды на благо Отечества и своих родов? Коли ничего не делать, так и останется одно – ждать, когда сыны наши кланяться начнут худородным. Нынче государь ещё слушает нас с вами, а завтра что? Мой сын станет кланяться казачонку Болотникову, аль Луке Мартыновичу, роду племени которого неизвестно?

Все собравшиеся слушали Шейна невнимательно, Семён Васильевич Головин так и вовсе с некоторой брезгливостью. Головину и вовсе не пристало быть под Шейном. А остальные устали слушать одно и то же. Всё было понятно, они потому здесь и находились, что осознавали для себя катастрофу.

Были здесь и те, кто просто хотел мщения, например, Андрей Васильевич Сицкий по прозвищу Жекла или же Иван Романович Безобразов. Они были из тех, кто жаждал мести и держал эту жажду внутри уже больше десяти лет. И Сицкий, и Безобразов не являлись идейными заговорщиками. Просто они с приходом Дмитрия Ивановича к власти потеряли влияние и были отставлены с должностей. Оба были воеводами, один в Угличе, другой в Ярославле, и оба лишились своей службы после проверки, устроенной государем. А ведь воровали не больше других.

– Ты, боярин Михаил Борисович, дело предлагай! Мы все знаем, что плохо, а что хорошо в империи нашей, – высказался Иван Тарасьевич Грамотин.

Нынешний приказной боярин Грамотин привык уже к тому, что на него смотрят, как на недостойного, поэтому не стушевался и под взглядом Шейна. Грамотин был как раз из тех чиновников, которм на свою судьбу и положение в обществе жаловаться было незачем. Едва ли ни самый худородный из всех заговорщиков, он стал заведовать финансами империи. Однако, Иван Тарасьевич прекрасно понимал, кому он должен быть благодарен за такое назначение. Так что Грамотин был предан не государю, он был человеком Головиных. Между тем, Иван Тарасьевич колебался.

– Семён Васильевич, – обратился Шейн к Головину. – Ты поручался за боярина Грамотина. Так что и следи, кабы не вышло худо. Мы уже повязаны и наговорили на четвертование.

Шейн не стал слушать заверения Головина, что Грамотин не предаст, а обвёл всех собравшихся взглядом и жёстко, как не всегда получалось даже у императора, сказал:

– Выхода отсюда более нет. Мы или свалим Димитрия, или помрём сами.

– Ты не пужай, Михаил Борисович, – сказал Головин. – Чай не дурни собрались, и все разумеют, что дороги назад не будет, и понять повинны, что без местничества и роды наши захиреют и погибнут. Ты только скажи, как нам сделать так, кабы до поры никто не прознал. Сгинуть за просто так я не желаю. Ещё и семьи уберечь нужно.

Прежде всего, проблемой была служба Ляпунова, в меньшей степени Пожарского, который, кстати, оказался слишком предан императору. Шейн ухмыльнулся и стал рассказывать, каким именно образом он вычислил у себя в окружении всех соглядатаев Ляпунова. Михаил Борисович описывал модели поведения шпионов, по которым их можно вычислить, как именно ведётся слежка, кого в первую очередь нужно проверить. Рассказывал с упоением, громко и обстоятельно, потому, когда Михаил Борисович резко замолчал, это стало неожиданным для присутствующих.

– Введите! – прокричал Шейн, и уже меньше чем через минуту в комнату дома старосты, где и происходило совещание, ввели человека.

Было видно, что мужчину пытали, причём даже по жестоким меркам времени бедолага испытал на себе, казалось, все круги ада. Один глаз был вырезан, на лице нет живого места, так как кожа в сплошных ожогах, рука сломана, часть кожи на спине срезана.

Головин перекрестился и с неподдельным страхом посмотрел на Шейна. В голове у мужчины рождались мысли о том, что он что-то сделал неправильно, что, как истинный христианин, не должен в этом участвовать. Но здесь же пришло осознание того, что уже за одно присутствие на таком совещании казнят и его, и весь род. Вероятно, что пострадает и немалое количество дворян, которые останутся верны роду Головиных. Так что говорить о том, что Головин передумал участвовать в заговоре, не приходится. А воевода Шейн здесь и сейчас отрезает присутствующим возможность сдать назад и уйти в сторону.

– Вот главный пёс Захария Ляпунова. Это он докладывал обо мне в Москву. Многие стервец знал о своих поделниках-псах, всё рассказал. Так что я дам вам некоторые имена подлых людишек, которые при вас, ну, а вы сами с ними сделаете, что пожелаете. Токмо не ранее, чем мы начнём действовать. Нельзя показывать виду, что узнали о своих соглядатаях, кабы пуще прежнего не насторожить Ляпунова. Нужно дождаться, чтобы Димитрий Иванович уехал из Москвы. В стольном граде его взять сложно, – ухмыляясь, будто наслаждается чужой болью, Шейн сделал вид, что забыл сказать какую-то мелочь. – Да, убейте вы уже его!

Стоявший рядом с полностью уже опустошённым изуродованным агентом Тайного Приказа один из людей Шейнина незатейливо и буднично перерезал горло страдальцу. Кровь брызнула и обильно стала заливать деревянный пол. Тело бездушно рухнуло.

– Зачем? – спросил Безобразов.

– А что, Иван Романович, крови боишься – ухмыльнулся Шейн.

– Да, нет, и сам резал людей, токмо в бою, – растеряно отвечал Безобразов.

– А мы уже воюем. А когда отправим в ад Димитрия, воевать придётся много, – Шейн посмотрел на Головина. – Семён Васильевич, что скажешь за зятя своего?

Родная сестра Семёна Васильевича, Александра Васильевна, в девичестве Головина, а нынче Скопин-Шуйская, была, как не сложно догадаться по фамилии, женой головного воеводы Михаила Васильевича Скопин-Шуйского. Михаил Васильевич души не чаёт в своей супружнице и безмерно благодарен ей за то, что после смерти первых детей, Дмитрия и Елены, она подарила ещё двух сыновей, Василия и Ивана. И эти мальчишки растут здоровыми и смыслёнными. Казалось, что все хвори обходят их стороной.

Заговорщики всерьёз надеялись, что удастся убить царя тайком. Вместе с императором обязательно должен умереть и Захарий Ляпунов, тогда Михаилу Васильевичу Скопин-Шуйскому ничего не останется, кроме как взойти на престол. Скопин – удачная фигура: и знатный, и мало интересуется властью, только болеет воинской наукой.

Не захочет он, так нужно будет найти, где скрывают Михаила Фёдоровича Романова, и править через него. Хотя последний вариант сложнее, так как о Михаиле Романове не было сведений уже давно, вероятнее всего, его отправили в Восточную Сибирь. Вот только Сибирский Приказ в своих списках воевод и сотников Сибири не указывает Михаила Фёдоровича. Остаётся добраться до царского архива, и там всё выяснится.

– Ну, что молчишь, боярин Семён Васильевич? Ты хоть с сестрой своей говорил, с нами она али как? – спрашивал Шейн.

Головин не спешил рассказывать про то, что его сестра также весьма активна, но пока только на словах выступает за сохранение старых законов и обычаев. Что уже говорить про то, что она, могущая стать царицей, благодаря знатности своего мужа, резко высказывалась против отмены местничества. Александра даже осмелилась кричать на брата, что он допустил подобное. На то, чтобы не устраивать истерику мужу, ума у Александры Васильевны хватило. И теперь женщина ищет любую возможность, чтобы ночью «накуковать» Михаилу Васильевичу

нужные слова. Разбаловались женщины. При Димитрии Ивановиче всё больше разрушается домострой, даже разрешено женщинам обедать с мужчинами.

Как известно, «ночная кукушка» дневную перекукует. Вот только с прославленным русским полководцем подобное не всегда работает. Во-первых, его часто не бывает дома, так как служба требует долгих поездок. Во-вторых, Скопин-Шуйский – это человек, которому кроме войны важно, может, только одно – наследники, чтобы выучить их, как воинов. Вот если бы лишить Михаила Васильевича службы, вот тогда бы возникла возможность втянуть Скопин-Шуйского в заговор против императора.

– О том, что государь куда-то собирается, я узнаю одним из первых, – решил сказать Грамотин. – Я пришлю человека в Смоленск одвуконь. На сим буду считать, что моя часть договора выполнена.

– И это уже немало. Я готов выполнить всю грязную работу и взять на себя грех, – сказал Михаил Борисович Шейн.

– А более и некому, – впервые высказался присутствующий на собрании Юрий Андреевич Татев.

После этого ещё недолго оговорили некоторые условности, тайные слова, даже шифр для переписки. Кроме, как у Шейна, ни у кого не было возможности большим отрядом напасть на царский поезд. У Шейна, кроме того, что было уже пять сотен лично преданных людей, оставался вариант попросить помощи у поляков. Мало того, именно на польские силы и рассчитывал в деле убийства императора Шейн. Его люди смогут провести даже большой отряд польских убийц в нужное место. При этом имя смоленского воеводы даже не будет фигурировать.

Первоначально Михаил Борисович думал осуществить убийство Дмитрия в одиночку, не привлекая других бояр и дворян. Однако, поразмыслив, Шейн понял, что таким образом не добьётся никакого повышения своего статуса. Нужны соратники, которые раньше всех остальных отреагируют на смерть правителя, тем самым выгадывая время и возможности для собственного становления.

* * *

Вена

5 марта 1618 года (Интерлюдия)

В самом конце февраля 1618 года в Австрии, да и в Богемии, снег уже начал сходить с полей, дороги также лишились белого покрова. Казалось, что вот и настало время, когда имперская армия приведёт к покорности строптивых богемцев и повесит на деревьях в Праге всех, причастных к убийству послов императора Фердинанда. Но это было не так. Дожди и талая вода не давали возможности для наступления. В таких погодных условиях нельзя двигать войска, массивные пушечные лафеты просто застрянут, и двумя десятками лошадей не вытащишь.

Два года назад Фердинанд упразднил никчёмного родственника Матвея, который во время своего правления был недостаточно последовательным в религиозной политике. Нет, не убил, лишь сместил, так сказать, на семейном совете. А Матвей получил в Тюрингии замок и живёт себе в изоляции.

Фердинанд чётко знал, что нельзя давать слабину евангелистам. Только силой и запретами можно выжечь протестантскую заразу из империи, а уже после иезуиты в своих учебных заведениях научат правильно молиться и перевоспитают заблудших еретиков. Но вначале – пустить кровь.

Фердинанд, как уже два с половиной месяца, пребывал в нетерпении и не мог долго оставаться на одном месте. Он ходил взад-вперёд, будто считал минуты до того рокового часа,

как он поведёт свои полки в Богемию. И даже присутствие иных людей, пусть и иностранных послов, не смущало императора.

– Я узнал о роли графа Гумберта в событиях в Праге, – кричал Фердинанд, нарезая очередной круг по залу приёма. – Это возмутительно! У меня есть только одно желание – выкинуть вас в окно.

Чуть склонив голову, в центре комнаты стоял Козьма Лавров, посол России в Священной Римской империи. Русский дипломат не демонстрировал волнение или какие другие эмоции. Он прекрасно знал, что никто его не станет выкидывать в окна или как-либо наказывать. Более того, Фердинанд даже не станет ухудшать дипломатические отношения с Россией.

– Почему вы молчите? – спросил Фердинанд, резко остановившись.

– Не смею говорить, ваше величество, ибо вы не задали вопроса. Если обвинение графа Гумберта – это и есть вопрос, то смею заверить, что его сиятельство Иохим Гумберт – полномочный посол Российской империи во всех европейских государствах. Ваш предшественник позволил ему быть в Праге, ваше величество, а вы не вводили запрета.

– Всё у вас, дипломатов, хитрости да кружева в словах. Но вы, господин Лавров, достаточно ли прозорливы, чтобы понять, для чего я вызвал вас? – тон императора резко сменился на вполне доброжелательный.

– Ваше величество желает узнать позицию России в предстоящем наказании еретиков за дерзость? – спросил Лавров.

– Да, мне интересно, как будет реагировать ваша Московская Тартария! – сказал император.

– Простите, ваше величество, но названное вами государство не наделяло меня полномочиями посла, да и, к своему стыду, я о такой державе и не слышал, – спокойным тоном отвечал Лавров.

– Не принуждайте назвать вашу страну Российской империей. Такое признание многого стоит. И я ещё не решил: может ли в Европе появиться ещё одна империя, кроме моей, – сказал император, всё-таки усаживаясь на трон.

– Ваше величество, если так будет легче принять решение, можно иметь ввиду, что большая часть России находится в Азии. Так что считайте Русь азиатской, но империей, – Лавров позволил себе притворно-невинную улыбку.

– Плут. И вопросы о признании не столь существенны. Вы, насколько я помню, при каждой аудиенции говорите о том, чтобы Московию называть Российской империей. Подождете ещё немного. Но всё же, почему Гумберт ещё в Праге? Или вы решили помогать еретикам? – говорил Фердинанд, беря в руку бокал с венгерским сладким вином.

– Смею уверить ваше величество, что его сиятельство граф Гумберт уже в сопровождении большей части русского отряда наёмников устремился в Саксонию, – безмятежно сообщил Лавров.

– Что? – возмутился Фердинанд, роняя хрустальный бокал с вином.

На секундочку, бокал был из Гусь Хрустального, выполненный специально для Фердинанда и подаренный новому императору вместе с иными предметами в честь его коронации.

– Граф Гумберт, ваш руководитель, представитель русского царя в Саксонии? В этом протестантском гнезде? – возмущался император. – Российская империя играет против меня и всех праведных католиков?

Козьме Лаврову стоило больших усилий сдерживать улыбку. Стоило лишь Гумберту проездом очутиться в Саксонии, чуть более наполовину протестантской, так московская Тартария волшебным образом превращается в Российскую империю.

– Ваше величество, вы назвали мою родину империей? Я правильно понимаю, что отныне вы признаёте право русского государя называться императором? – не преминул указать на сказанное русский посол.

– Лавров, не ловите меня на словах. Две тысячи русских наёмников, проплаченных русским царём, и пусть называет себя императором. Речь не об этом. Почему граф Гумберт ездит по евангелическим землям? Россия играет против меня? – император действительно проявлял, если не страх, то опасения.

Безусловно, для этого были причины. Если даже рассматривать вопрос межгосударственного уровня, когда у России в наличии стосемидесятитысячная армия, да ещё и много казаков с кочевниками, получается силища, по меркам европейских армий, невероятная. Тем более, что цесарцы знают, как именно обучаются русские воины. Это уже современная, вооружённая отличным оружием, опытная армия.

Однако, кроме регулярной армии за последние пять-шесть лет европейцы оценили качество и исполнительность русских наёмных отрядов. При этом не обязательно, чтобы в этих группировках были сплошь православные люди. Нередко наёмниками были сами же немцы, но подданные русского императора и выученные по русским методикам.

– Я не должен вам этого говорить, ибо сие дело моего государства, но граф Гумберт отправился в Саксонию, чтобы забрать часть русских наёмных отрядов. Саксонский курфюрст меньше года назад нанял более полутора тысяч русских наёмников. Россия хотела бы не участвовать в той войне, которая божией волей начинается, – сказал Лавров, а Фердинанд перекрестился.

Нынешний император Священной Римской империи был очень набожным человеком и искренне верил в то, что господь выбрал его, дабы император-католик привёл всю паству империи обратно к истинной католической вере. Поэтому упоминание слов «бог» и «война» в одном предложении – вполне нормальная для императора лексика.

– Ну, если забрать наёмников, то дело благое, – удовлетворённо сказал император. – Ещё бы из Брауншвейга забрали свой отряд и из Богемии вывели. Я очень надеюсь, что мне не придётся убивать русских, но вашему царю придётся много серебра заплатить, чтобы выкупить каждого захваченного мною русского в Праге.

Лавров лишь вежливо улыбнулся и чуть склонил голову.

– У меня есть поручение от моего императора. Государь Дмитрий Иванович хотел бы испросить ваше величество о некоторой сделке. Россия предоставит оружие на комплектование десяти мушкетёрских рот и полка рейтеров, но без коней, а вы позволите невозбранно нанимать людей по всей вашей империи, – сказал Лавров и начал наблюдать переменчивость настроения у императора.

Фердинанд не любил, когда на него давят или выдвигают условия, поэтому сперва на главу дома австрийских Габсбургов нахлынули эмоции, но всё же не даром он правитель, сдержал эмоциональный порыв. И вот уже на лице Фердинанда заметна деловая задумчивость. Император в уме считает выгоду от полученного предложения.

– Разрешаю нанимать людей, но согласовывать с военными властями. Никаких офицеров или солдат не смейте смущать своими обещаниями хорошей жизни в России, – сказал Фердинанд и практически потерял интерес к Лаврову.

А зря. Тут бы присмотреться к Российской империи и к тому, что делают её дипломаты. Россия очень тщательно готовилась к серии войн, которые, можно сказать, уже начались. Российская империя способна продать много оружия. И уже это делает, вооружая даже Швецию, пусть и в небольшом количестве.

Козьма Лавров, в отличие от Иохима Гумберга, сделал очень и очень много, чтобы война сразу стала ожесточённой. Это только Гумберт занимался вопросом Богемии, а Лавров со своей командой способствовал созданию Евангелической лиги. Это объединение протестантов, где прописано, что в случае религиозной войны или яркого притеснения прав лютеран, все протестантские государства выступают единым фронтом и незамедлительно.

Ох, и дорого же обошлись эти тайные переговоры, подкупы чиновников, даже прямые взятки правителям, как это было с Брауншвейг-Люнебургом. Но лига, пусть и тайно, чтобы пока не дразнить католиков, уже создана.

С другой же стороны, Лавров способствовал и тому, чтобы нашлись умные люди, падкие на русское серебро, чтобы союз между испанскими и австрийскими Габсбургами, как и с Баварией, был не менее прочным, чем Евангелистская лига.

Так что, как только Фердинанд поведёт свои полки на Богемию, богемский граф Турне сразу же объявляет запрос в Евангелистскую лигу. А те, насколько знал Лавров, уже готовят свои войска. При этом имеется ещё одна задача – сдержать рвущуюся в бой Швецию. Густав Адольф, молодой и горячий король, готов хоть с кем биться, главное, чтобы драка состоялась. А здесь под боком католическая Польша, красная тряпка для бычка Густава Адольфа. Но вот Польша пока нужна России для иных дел.

Глава 4

Албазин

5 марта 1618 года

Маньчжурская армия вышла к Албазину неожиданно, несмотря на то, что ожидать такого развития событий следовало. Сорок семь тысяч достаточно опытных воинов, которые только недавно заняли Ляодун и ряд иных территорий – это большая, непобедимая сила для русского острога, в котором проживало чуть менее тысячи православных переселенцев и с сотню дауров. Правда, большая часть этого войска быстро ушла в Китай, и будь всё в остроге организовано качественно и по наряду, и крепость бы выстояла, ну, и подкрепление из Благовещенска, города, основанного выше по течению Амура, в четырёх сотнях вёрст от Албазина, успело прибыть.

Всё можно было повернуть в пользу русских, будь на то железная воля и чёткое понимание, что именно делать. Оружие православных переселенцев было намного лучше, опыта не занимать. Шесть сотен защитников могли оказать ожесточённое сопротивление, используя в том числе и новые нарезные ружья с пулями быстрой перезарядки. Пушки, да, устаревшие, но и они способны картечью проредить накатывающего противника. Но острог был сдан.

Главная проблема для жителей Албазина, как и для иных русских поселений в Восточной Сибири – это продовольствие. Пусть реки и дают обильно рыбы, но на ней одной сложно поддерживать хороший быт. Между тем, два года назад, наконец, на берега Амура были доставлены плуги, как и много иного сельскохозяйственного инструмента. Теперь уже можно увидеть и возделанные поля недалеко от крепости.

Первые стычки с китайцами произошли ещё семь лет назад, но быстро сошли на нет. Вот тогда была достигнута договорённость, что русские не станут облагать ясаком дючеров и дауров, которые живут южнее Амура, и с успокоением наступила расхлябанность. Казалось, что пришла мирная жизнь, и пора возделывать поля да ходить за ясаком на север. И даже встреча с отрядом маньчжуров не вызвала беспокойства. Три сотни азиатских воинов, которые лишь проводили разведку, были рассеяны и частью разбиты.

Это событие создало впечатление, что врага немного, и он вооружён лишь белым оружием, столь слаб, что и малочисленные бабы прогонят своими криками. Те несколько маньчжуров, которые попали в плен, даже не допрашивались. В городе не нашлось знатоков языка, впрочем, не особо и искали, по-тихому придушив пленников.

Победы и успехи окрыляют. Часто, если не делать существенную работу над собой и не включать мозг, можно утонуть в эйфории и тем самым не стремиться стать лучше и осмотрительнее.

Сложность Албазина заключалась ещё и в том, что главный администратор по реке Амуру потерял интерес к своей службе, погряз в лени и праздности, позволяя то же самое делать и иным. Как говорят в народе: рыба гниёт с головы.

Матвей Михайлович Годунов почти перестал интересоваться службой, как и спрашивать с остальных. Главными утехами опального русского вельможи стало то, что он собирал девушек-тунгусок или дючерок, да в пьяном угаре, правда, закрывшись у себя в просторном доме, устраивал оргии. Вероятно, уже не одна девушка носила в себе дитя с кровью Годуновых.

Ещё два года назад Матвей Михайлович Годунов был деятельным, это он и основал острог Албазин, причём использовал то название, которое было рекомендовано государем. Он, посмеявшийся помыслить об измене, выслуживался, считая, что, ну, пять, пусть семь лет, но его вернут обратно в Москву, пусть при этом и назначат воеводой в какую Тверь или Ярославль. Но не тут, в непривычном климате и диких местах. Матвей Михайлович Годунов три года

назад вновь выходил по Амуру к Тихому океану и планировал ставить там даже не один, а три острога, объединённых в единую оборонительную систему. И сделал бы, напоследок, перед отбытием в Москву. Но император Димитрий Иоаннович отказал на прошение о помиловании.

На самом деле, государь решил сперва проверить все дела Годунова, а после и прощать. Он послал своего человека с инспекцией, наделяя правом решить вопрос с помилованием, если Годунов сильно преуспел на службе.

Но даже с таким предводителем, который стал пить и спать во время воскресных служб в часовне, Албазин развивался. Люди понимали, что не посеешь весной, не соберешь по осени. Тем более, и скотина какая-никакая появилась. Больше года, как раз четыре-пять месяцев идут «гостинцы» из Нижнего Новгорода и Москвы через Енисейск и Красноярск. Не все животные доживают до Албазина, может, кто и крадёт по дороге, но всё же пять бычков да восемь тёлочек в поселении было.

Подход маньчжуров проспали. Уже давно никто не ходил в дальние разведывательные рейды, считая, что договорённости с китайцами обеспечивают безопасность, а местные племена не проявляли агрессии. Большая часть жителей Албазина отправилась на сбор урожая и подготовку к зиме. Потому огромное войско под командованием самого Нурхаца, объединителя всех маньчжуров, даже не стало останавливаться у Албазина. Больше пятисот казаков и иных служивых людей, как и их жён, убили в полях и не дали спрятаться в большом остроге.

Нурхаца увёл большую часть своего войска в сторону Пекина, всё-таки главная цель маньчжуров нынче – Китай, но и тех трёх тысяч со всего пятью пушками, далеко не лучшего качества, хватило, чтобы Матвей Михайлович Годунов посчитал сопротивление бесполезным.

Страдающий похмельем, Годунов стал торговаться с командующим маньчжурским корпусом Такши Киянгом, чтобы тот позволил вывести остатки людей. При этом казацкого десятника Ивана Шилку, который настаивал на обороне Албазина, Матвей Михайлович Годунов казнил за неповиновение. Другие казацкие десятники, как и оставшиеся в живых два сотника, не стали возражать, тем более, что рота стрелков, которая напрямую подчинялась Годунову, не стала нарушать субординацию и откровенно бунтовать, а подчинилась приказу.

Переговоры затянулись, Годунов всё же не хотел выходить вообще без оружия, а Такши Киянг не спешил разрешать выход вовсе. В итоге маньчжур пообещал, что если русские уйдут и возьмут с собой только то, что смогут унести в ручной клади, их отпустят по только что образовавшемуся льду Амура и не станут чинить препятствий, даже разрешат взять некоторый инвентарь, чтобы можно было палить костры и как-то спастись от холода.

Матвей Михайлович Годунов принял условия и погнал людей по льду Амура. Долго гнать не пришлось... Отряд маньчжуров в шесть сотен конных устремились на охоту на людей. Людоловы старались убить мужчин, если те поднимали оружие, а немногочисленных женщин взять себе на развлечение. И тут, от безысходности, Годунов приказал держать круговую оборону, в которой главную роль сыграли стрелки.

Маньчжуры сперва вольготно и с шутками приближались к составленному русскими каре. Прогремели два слаженных залпа, а после начали звучать выстрелы быстро перезаряжающихся стрелков. С новыми пулями, которые приходят из Красноярска, так как там организованы мастерские по их производству, русские не просто разогнали маньчжурский отряд, но смогли захватить порядка шести десятков коней, которые сильно выручали в следующие одиннадцать дней, пока Матвей Михайлович Годунов не встретился со спешащим на выручку Албазину отрядом из ещё одной роты стрелков и пяти сотен казаков с десятью мортирами.

Прибыв в Благовещенск, как победитель, мол, спас хоть кого-то, Годунов ночью, когда он уже спал в постели с одной из прихваченных им девиц, был арестован, как и командование десятками казаков и ротмистром албазинских стрелков.

– Как смеешь ты, безродный, обвинять меня в трусости? Меня сам государь поставил над всей Восточной Сибирью во владение! – орал Матвей Михайлович Годунов, когда начался суд над сибирским воеводой. – Я за один стол с тобой не сел бы, а пороть стал на конюшне.

Пётр Албычев переглянулся с казацким сотником Черкасом Рукиным, после посмотрел на стоящего в цепях рядом с Годуновым ротмистра Арсения Беляева, бывшего в подчинении у Годунова и не возразившего ему, когда сдавали Албазин. После представитель русского государства в Сибири уверенно начал говорить.

– Волею государя-императора нашего Димитрия Иоанновича я назначен государевым проверяющим дел в Восточной Сибири, об чём есть и грамоты царя, – с гордо поднятым подбородком говорил Албычев. – Ты, Матвей, сын Михайло роду Годуновых обвиняешься в трусости, коя привела к потери русского города Албазин, а также к смертям более пяти сотен православных людей, утрате оружия и продуктов, заготовленных на зиму.

– Тебя там не было! У них десятки тысяч воинов с пушками, – кричал Годунов.

– Есть кому сказать по делу в свою в защиту, али в оправдание деяниям бывшего воеводы сибирского Годунова Матвейки? – не обращая внимание на возмущение Матвея Михайловича Годунова, продолжал судить Албычев.

Пётр Албычев шесть лет назад прошёл обучение в Московской Академии и нынче считался уже достаточно опытным управленцем и даже дипломатом. Квалификация Албычева была подтверждена в Енисейске, где он смог не только замирить меж собой все окружные племена, но и договорился с киргизами о разграничении границ, за которые они не могут переходить. Да, пришлось повоевать и разбить двухтысячный отряд киргизов, при этом сделать пару рейдов и на территории монголов, чтобы показать силу русского оружия, но успехи, в том числе и на дипломатическом поприще, были замечены даже в Москве.

Пётр Албычев был назначен государевым человеком по всей Сибири с правом проверять службу воевод, в том числе и Годунова. Матвей Михайлович Годунов присылал императору прошение отбыть в Москву. Дмитрий Иванович решил, что можно простить опального родственника жены, да вернуть его, чтобы Годунов мог бы стать некоторым противовесом в поднимающей голову оппозиции. Но для того, чтобы Годунов вернулся, нужно понять его успехи в тех делах, что были поручены.

Пётр Албычев уже был готов идти по льду Амура в Албазин, так как стремился по весне выйти к океану, но остался в Благовещенске. Пётр нашёл некоторое несоответствие описанным делам в грамотах к государю и реальности. О Годунове за последние два года сложилось одно мнение – самодур и бездельник. Если ранее Матвей Михайлович Годунов работал, и были успехи, основание того самого Албазина в их числе, то сейчас... Вредительство.

– Я следовал приказу... – понурился, отвечал ротмистр Беляев.

– Но ты не препятствовал расправе Годунова с теми, кто хотел защититься, кто не отринул слова государя нашего «Где русский стяг установлен, оттуда он снят не может быть». Вы смогли отбиться от большого отряда чжурженей, будучи окружены и без стен. Могли бы отбиться, находясь за стенами острога? Там ещё и двенадцать пушек врагу отдали! – Уже и Албычев начал кричать, играя на публику.

Несмотря на усилившиеся морозы, суд проходил на центральной площади Благовещенска. Этот город уже имел население более трёх тысяч людей, а тут ещё и порядка тысячи воинов пришло, так что казалось, что Годунова судили не где-то далеко на Востоке, а в каком русском городе в европейской части или даже на Лобном месте в самой Москве.

Пётр Албычев посчитал важным, чтобы народ знал, за что судят Годунова. Пусть люди разносят вести, тогда и все русские управленцы несколько подумают, прежде чем игнорировать свои обязанности или бежать, оставляя русские поселения врагу. А ещё было важно, чтобы весь суд увидел один человек, сильно внешне отличающийся от присутствующих.

Китайский император Чжу Ицзюнь прислал своего дипломата, чтобы посмотреть на людей с севера и понять, чем они могут помочь Китаю. По крайней мере, именно так всё звучит официально.

На самом же деле, Чжу Ицзюнь, тринадцатый император Мин, уже давно ничего не делает, как правитель. Он слушает философов, предаётся развлечениям, любит прогуливаться на лодке, но ничего даже не говорит о своём правлении и не принимает никаких решений. Однако, в Китае есть люди, которые озабочены ситуацией и тем, что маньчжуры перешли от перманентных набегов к полноценной войне. Завоеватели уже взяли Лаодун, Мукден, угрожают Пекину, но не спешат начать наступление. Возможно, одной из причин, почему маньчжуры остановились, были русские, в теории, могущие ударить по тылам армии Нурхаци.

Может быть, в Китае остались патриоты, которые всей душой радеют за своё государство, потому и озаботились защитой страны? В огромном бюрократическом аппарате, возникшем в империи Мин, таких или нет, или очень мало, и их голос не слышен. А вот за своё положение, богатство и влияние китайские вельможи пока ещё готовы бороться. «Пока» – это до тех пор, когда маньчжуры не пообещают сохранить положение самым главным китайским вельможам.

Когда русские продолжили экспансию на Восток, китайцы имели с ними стычки, которые неизменно заканчивались поражением. Русское оружие было дальнобойнее, мощнее, а выучка новым тактикам не могла проигрывать устаревшей армии Китая. Скоро китайцы прекратили атаковать русских, концентрируясь на сопротивлении маньчжурам. И здесь также последовало поражение за поражением. Порой даже китайские отряды могли переходить на сторону врага или действовали столь вяло и безынициативно, что попадали в окружения и разоружались.

Нашлись коварные умы в Поднебесной, которые вполне резонно подумали, что можно сравить две силы: русских и маньчжуров, именуемых еще чжурчжэнями. Миньцы были уверены, что восточный агрессор неизменно побьёт западного, русских. На то, что маньчжуры потеряют много своих воинов, китайцы также надеялись. Таким образом, две стороны ослабеют, и тогда можно и нужно проводить реформы в армии и выдавливать всех противников.

Веймин Ху внимательно наблюдал за всем происходящим и много думал. Мысли китайского посланника были направлены на то, что именно могут сделать русские, и насколько решительно они настроены. И всё, что происходило, давало убеждение мудрецу Ху, что на сегодняшнем этапе существования Китая русские более предпочтительны для его родины. Китаец уже выстроил те условия, которые хотел выдвинуть русским, используя их поражение при Албазине. Как бы не старался Албычев показать решимость и то, что русские покинули крепость – предательство и сущее недоразумение, Веймин Ху понял всё, что ему нужно было.

Однако, Пётр Албычев освоил добротные знания о дипломатии, он не мог обойтись в переговорах без шокирующих сюрпризов для китайцев.

– Правом, данным мне государем Димитрием Ивановичем, приговариваю Матвейку сына Михайло к повешению, а бывшего ротмистра Беляева к разжалованию в рядовые стрелки с правом вернуть себе чин, если проявит в дальнейшем смелость и станет умело воевать, – провозгласил Пётр Албычев, и народ, до того шумевший, словно улей пчёл, замер.

Никто не ожидал, что можно вот так самого Годунова, родственника царицы, приговорить к смерти. Да, его бездействие, как и трусость, привели к смерти или к позору сотни русских людей. Но это же боярин!

В это время, поняв, что может произойти, сотник Черкас Рукин жестом приказал своим казакам быть готовым ко всему. Но, нет, народ не стал бунтовать. Тут вообще было крайне мало тех, кто способен к бунту, может только сами же казаки и то вдали от крупных русских поселений. Основу жителей Благовещенска составляли стрелки, полурота драгун, ну, и иные казаки. Меньше было хлебопашцев, рыболов и ремесленного люда. Люди служивые менее склонны к бунтам.

Переговоры начались ещё до суда, за завтраком. Но это была игра, где обе стороны пытались что-то понять о друг друге, как и в целом намерения и договороспособность. После состоялся суд.

– Мы можем продолжать переговоры, – казалось, безмятежно обратился Албычев к Веймин Ху и жестом пригласил китайца последовать за собой.

Переводчик сразу же перевёл сказанное, а Пётр Албычев не показал, что пусть и не в совершенстве, но владеет китайским наречием.

В Академии было восточное отделение, скорее, специализация, где, на основании докладов и сообщений, систематизировались знания о народах сибирских и тех, кто им соседствует. Были учителями и два китайца, которые не только давали азы китайского языка, но и описывали обычаи, историю, верования и государственную систему Китая. Некоторые ученики Академии могли выбирать направления, будь европейское, самое массовое, или турецкое, персидское, кавказское. А вот Албычеву отчего-то пришлось принудительное направление именно обучаться работе на восток от Урала. Может потому, что он родился в Сибири или по каким иным критериям.

Но сообщать о том, что он знает китайский язык, по крайней мере, разговорный, Пётр не спешил. Толмач был этническим китайцем, и при переводе могли бы возникнуть некоторые возможности, когда два китайца будут переговариваться, не подозревая, что смысл слов и фраз русский дипломат понимает. Тем более, что и переводчик казался не самым простым человеком. Ещё не понятно, кто тут главный.

– Сделай так, чтобы русский варвар устранился мощи Китая. Расскажи, что в нашей стране войска столь много, что не будет видно горизонта, если оно только малой частью придёт, – сказал Веймин Ху, и переводчик стал расхваливать Китай.

– Понял я, – чуть сдерживая усмешку, сказал Албычев. – Садись за стол да поговорим основательно и уже по теме.

Пётр не стал смотреть, как прямо сейчас, не мешкая, будут вешать Годунова. Теперь Албычеву нужно доказывать, что он всё правильно сделал. Для этого необходимы успехи, неоспоримые, пусть и дипломатические. Государь именно об этом говорил, когда наставлял Албычева. Работать нужно только на результат. Если кто не справляется с обязанностями в Сибири, то судить его и желательнее не тратить деньги и возможности, отправляя преступников в Москву, а решать на месте. Но доказательная база должна быть железной. При этом, если сам Пётр не сработает, как того ждёт император, то любое его решение может быть истолковано, как преступление уже самого Албычева.

Поэтому уже отправлены разведчики к Албазину, при этом им придана группа государевых телохранителей, к слову, часть из группы вернулась от захваченного города. Поэтому отправлен обоз в Енисейск, чтобы прислали в Благовещенск подкрепление и продовольствие, а также дополнительные строительные артели. Албазин – важный пункт не только для сельского хозяйства, но и как перевалочная база в подготовке перехода к океану. Уже должны были быть отправлены следом за Албычевым корабель, которым предстояло прибыть в уже отстроенный город на берегу впадающего в океан Амура. Так что времени нет, нужно действовать.

– Все наши переговоры могут касаться двух вопросов: военные действия против чжурчжэней, коих прозывают ещё маньчжурами, а также торговля. Мы готовы продавать соболей, хрусталь, персидские ковры, иное, о чём сговоримся. От вас серебро, шелка. Какие ваши предложения? – начинал переговоры Албачев.

– Они хотят... – толмач начал переводить на китайский язык сказанное, не забывая вставлять такие слова, как «дикари», «варвары».

Петру стоило больших усилий не отвечать на такие оскорбления. В Академии часто вдалбливали будущим дипломатам, что терпение – главная добродетель, позволяющая оставлять возможности для разговора. Если не можешь себя сдержать, то иди в Военную Государеву

школу и учись, как быть офицером. Пётр не знал, но и офицеров учили быть хладнокровными и не поддаваться эмоциям, которые далеко не всегда помогают в бою.

– Восхваленный господин Вэймин Ху говорит... – начал перевод толмач после долгой тирады китайского посланника.

Китаец вновь стал восхвалять свою страну, указывая на то, что русским нужно ещё доказать, что они могут бить маньчжуров, да и торговлю предлагал оставить на откуп купцам, договорившись в первое время о беспошлинной торговле, лишь по взятке чиновнику, которого укажет Вэймин. А в остальном, предметный разговор может быть тогда, как только хотя бы один большой отряд маньчжурских завоевателей будет разбит русскими воинами. При таких условиях Китай может позволить людям, пришедшим с Запада, оставаться в тех своих деревянных крепостях, которые они настроили по всем ближайшим рекам.

– Я благодарен господину Ху... – Албычев чуть сдержался, чтобы не добавить к фамилии китайца ещё одну букву. – Если у нас нет договорённостей, то Россия оставляет за собой право выслушать посла правителя чжурчжэней Нурхази. Албазин – это единственное, что нам следует делить. И если говорить открыто, то моей империи можно и выждать, пока Китай окончит войну с чжурчжэнями.

Оба китайца покрылись странным оттенком светлого. На их желтоватой коже было не особо понять, наверно, они побледнели. Между тем, слащавая улыбка на лице Вэймин Ху сменилась гримасой.

– Воевода, прибыл разведчик... – в комнату, где шёл разговор с китайцами, вошёл сотник Рукин, вовремя, будто подслушивал разговор.

– Я покину вас ненадолго, нужно кое-что узнать, – вежливо ответил Пётр и вышел за дверь.

– И что говорить? – растерянно спросил Черкас Рукин.

– Просто помолчи и выжди время, – улыбаясь, ответил Албычев.

Дело в том, что ещё два дня назад прибыл разведчик со стороны Албазина. Новости были, скорее, хорошие, чем никакие. Маньчжуры оставили город и ушли. Да, забрали всё продовольствие, все пушки, многое из имущества, хотя не всё, видимо, не хватало возможностей унести. Стены города разрушили лишь частью, наверно, поленились. Вот и получалось, что Албазин после некоторого ремонта и строительства дополнительной линии обороны можно занимать основательно [в РИ Албазин, пусть и значительно позже, был взят китайцами, но после оставлен в полуразрушенном виде].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.